

**СЕРГЕЙ
ВОЛКОВ**

ОБЪЕКТ
«ZERO»

Планета Медея

Сергей Волков
Объект «Зеро»

«Автор»

2009

Волков С. Ю.

Объект «Зеро» / С. Ю. Волков — «Автор», 2009 — (Планета Медея)

ISBN 978-5-699-32335-7

Колониальный транспорт «Русь» с миллионом переселенцев на борту терпит крушение при посадке на планету Медея, призванную стать форпостом Федерации Свободных Государств в Дальнем Космосе. Выжившие в катастрофе начинают борьбу за существование. Каждый день, каждый час. И не только с природой негостеприимного мира. Жажда власти, предательство, национальная рознь – все это не оставляет людей даже под угрозой гибели. Это неудивительно – ведь на борту «Руси» наряду с романтиками-добровольцами оказались и ссыльные «политические», сектанты, военнопленные, да и попросту уголовники всех мастей... Сержанту Климу Елисееву выпадает стать не только одним из отцов-командиров колонии, но и летописцем трагических событий. Однако их цепь прерывает находка, которая полностью меняет жизнь Клим и судьбы людей на загадочной планете.

ISBN 978-5-699-32335-7

© Волков С. Ю., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Дневник Клима Елисеева	8
31 августа 2204 года	9
1 сентября 2204 года	16
3 сентября 2204 года	30
4 сентября 2204 года	31
6 сентября 2204 года	32
8 сентября 2204 года	33
11 сентября 2204 года	34
24 сентября 2204 года	36
26 сентября 2204 года	39
2 октября 2204 года	42
5 октября 2204 года	46
6 октября 2204 года	52
7 октября 2204 года	54
8 октября 2204 года	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Волков

Объект «Зеро»

Пролог

Космос – пуст и мертв. Нет, с точки зрения науки он, конечно же, наполнен материей во всех ее агрегатных состояниях. Космос изменчив, неоднороден, в его глубинах полыхают мириады звезд, вокруг них длят свой вечный бег планеты; частицы вещества прошивают его призрачную плоть, мчатся по орбитам кометы и астероиды, вальяжно дрейфуют бескрайние облака газа, звездный ветер колышет космическую пыль, и черные дыры пожирают все, что попадает в сферу их притяжения.

Но по человеческим меркам космос – это Великое Ничто, пустыня, царство мрака, враждебное всему живому. Космос – тюрьма, во множестве камер которой ростки жизни навечно заперты за неодолимыми засовами планетарных атмосфер.

Лишь разум, порожденный земной эволюцией, сумел взломать эти засовы. Сквозь пространство и время сыны олд-мамми идут и идут – в бесконечность, раздвигая границы своего мира до самых далеких звезд.

И везде, везде ищут они не только пригодные для жизни планеты, не только новые знания, но и разум, подобный собственному.

Ищут, но так и не могут найти...

* * *

Когда тебе девяносто пять, на многие вещи начинаешь смотреть по-другому. Власть, слава, деньги, женщины, выпивка, удачный выстрел на охоте, удачная застольная шутка – все это из разряда «смысл жизни» переходит в разряд «пустая трата времени». Когда тебе девяносто пять, ты не можешь разбрасываться, разбазаривать себя на ерунду. Вечность уже стоит у тебя за плечом, и кто-то незримый шепчет в ухо: «Поторопись».

Так или примерно так думал командующий Объединенных флотов Великой Коалиции адмирал Саймон О'Дэрри, прозванный подчиненными «Дремлющий Бык». Адмирал, облаченный в белый халат из биоволокна, отдыхал в своем кабинете после утомительной процедуры редживинации, которой дряхлый организм О'Дэрри вынужден был подвергаться каждый месяц.

Проклятые медики с их не менее проклятыми штуковинами всякий раз так выматывали адмирала, что ему приходилось сутки отлеживаться в специальном ложементе, кряхтя и потягивая особый коктейль, смесь легко усваиваемых белков, витаминов и ферментов.

С другой стороны, не будь редживинации, воинский мемориал на Атланте давно уже украсился бы плитой черного гранита, на котором золотом горели буквы, что-то вроде: «Саймон О'Дэрри (2109–2204). Верному сыну от благодарной Родины».

Хотя, возможно, написали бы и по-другому. Тем паче – где она, эта Родина? Осталась за сотнями световых лет, на старушке Земле...

Адмирал скрипнул зубами и тут же скривился – заново выращенные, непривычные после имплантатов, они отозвались забытой и такой натуральной болью.

Земля, Земля... Великая Коалиция потерпела там постыдное и сокрушительное поражение, но зато взяла реванш в космосе, после чего Федерация вынуждена была пойти на переговоры. Плодом их стало подписание на нейтральном Гермесе соглашения о разграничении

сфер влияния и «неконфликтном сосуществовании». Слово-то какое – «сосуществование»! Мерзкое слово. Гражданское. Дипломатическое...

О'Дэрри пошевелился, устраиваясь поудобнее. Красный, как вареный рак, он ощущал себя беспомощным, точно после ранения, и от этого злился еще больше. Конечно, можно было бы взять вполне законный отпуск, убраться на Феб и провести дней десять в праздном ничегонеделании, тем более что это советовали ему врачи.

Однако именно сейчас покидать Штаб Объединенных флотов было никак нельзя. Адмирал ждал новостей, от которых зависело не только его будущее, не только будущее Великой Коалиции, но и судьбы всего человечества.

Залитый приятным зеленоватым светом кабинет, полки с папками и книгами, овальный рабочий стол натурального дерева, мерцающая сфера объемника, панели связи, полушария плафонов на потолке, ворсистый ковер под ногами – все тут было устроено по вкусу адмирала, который с максимальной точностью постарался воспроизвести свой старый, вашингтонский кабинет.

«Я еще вернусь туда», – с непонятной грустью подумал О'Дэрри. Его мысли прервал мелодичный звонок. В призрачной сфере объемника возникло точеное лицо референта:

– Сэр, на связи полковник Бэнсон. Прикажете соединить?

– Валяй! – прохрипел адмирал, с помощью сенсора приводя ложемент в сидячее положение.

Роджер Бэнсон числился в ведомстве О'Дэрри на должности помощника по связям с общественностью. Фактически же полковник занимался делами куда более важными и секретными.

Хитрое лицо потомственного коммивояжера, безупречный пробор, гражданский костюм, в меру строгий и в меру изящный, безукоризненные манеры и хорошо поставленный голос – полковник Бэнсон всегда казался адмиралу героем старинного фильма.

– Сэр! – звук немного искажался, мешало еле слышное шипение. – Колодец вырыт, сэр! Прикажете прислать счет?

– Да, Роджер, и распишите все поподробнее. – О'Дэрри сдвинул кустистые брови, пристально вглядываясь в лицо полковника, точно хотел разглядеть в его глазах ответы на невысказанные вопросы.

– Уже, сэр. Высылаю немедленно. Но хочу сказать сразу...

Бэнсон выдержал секундную паузу, а может быть, виноваты были помехи?

– ...Нескольких землекопов завалило.

– Приношу свои соболезнования! – прорычал адмирал и отключился.

Некоторое время О'Дэрри сидел молча, обдумывая услышанное. Полковник поведал ему следующее: «Разведывательная миссия вернулась с планеты Медея. Есть погибшие». Стало быть, интуиция не обманула адмирала. С этой Медеей все очень, очень непросто...

Зажурчал принтер, из узкой щели полезла распечатка доклада Бэнсона, пришедшая по закрытому каналу. О'Дэрри, начинавший службу почти восемьдесят лет назад, всю жизнь считал, что важные документы нужно читать на пленках, глазами – так лучше воспринимается смысл написанного.

Наморщив лоб, адмирал по привычке ухватил себя за острый подбородок, поморщился – редживинированная кожа болезненно реагировала на любое прикосновение – и принялся читать.

Закончив, он шумно выдохнул, уничтожил пленку с распечаткой и вызвал референта.

– Стью, слушай внимательно: на три часа назначаю совещание. Пригласить Фицгера, Нишиму, Вильсона и этого... кто у нас теперь ведает снабжением, как его бишь?

– Бригадный генерал Глен Харагаунт, сэр! – молодцевато отрапортовал референт.

– Вот-вот, и его. Это – во-первых. Во-вторых: подготовь письмо к президенту по поводу проекта «Медея». Содержание – проект можно запускать. Оформи на свой вкус. И третье: Тогда Баркинса ко мне немедленно!

– Слушаюсь, сэр! – референт коротко козырнул и исчез.

А уже три минуты спустя в кабинет адмирала вошел осторожной походкой хищного зверя начальник разведки Объединенных флотов вице-адмирал Баркинс. Грузный, высокий, с маленькой головой на вислых борцовских плечах, он в последнее, «мирное» время был правой рукой О’Дэрри.

– Слышал? – вместо приветствия спросил адмирал.

– И доклад об экспедиции читал, – в той же манере ответил Баркинс, усаживаясь на стул у стены.

– Теперь главное – чтобы они клюнули.

– Не волнуйтесь, адмирал. Наш крот сидит достаточно высоко, чтобы провести среди высшего руководства Федерации достойную пиар-кампанию. Тем паче они своими игрищами в демократию и всеобщее равенство подложили сами себе жирную свинью и теперь готовы ухватиться за любую возможность, дабы доказать, что не даром едят хлеб. Но для правдоподобности неплохо было бы действительно направить туда корабли...

Адмирал иронично улыбнулся:

– Тод, дружище, неужели же ты думаешь, что судьбу такого проекта я возложу только на твоих агентов? Наши транспорты пойдут на Медею. Наши капитаны будут очень стараться. Они даже почти догонят федералов. Но те никогда не узнают, что в трюмах транспортов – всего лишь пустота. Пусть Федерация разобьет свой лоб о Медею, а заодно и сдерет с нее шелуху. Когда это произойдет, мы окажемся поблизости и наконец-то посмотрим, что же там за ядрышко. Кстати, сколько человек ты планируешь внедрить в число колонистов?

Баркинс сделал неопределенный жест рукой.

– Посылать хороших агентов на заведомо обреченное дело – бессмысленно. Посылать плохих – неэффективно. Думаю ограничиться тремя-четырьмя...

– Нет, Тод! – О’Дэрри нахмурился, снова ухватился за подбородок. – Проклятье! Ты пошлешь лучших, ты понял меня? Лучших агентов. Тех, кто сможет выжить, разобраться во всем и принести нам информацию. Это приказ.

Начальник разведки встал.

– Я все понял, адмирал. Будет сделано, сэр.

– Иди. Держи меня в курсе. Если нам удастся то, что мы задумали, если ЭТО... черт возьми, если ЭТО действительно существует, то мы приберем его к рукам. И тогда федералам придется уносить свои тощие задницы куда-нибудь подальше. Например, в соседнюю галактику.

И адмирал О’Дэрри сочно захохотал.

Дневник Клима Елисеева

Приветствую тебя, неизвестный мой читатель! С этих строк начинается печальное повествование о трагической и многотрудной одиссее колонистов и экипажа эвакуационного транспорта «Русь», что волею случая и вследствие причин загадочных и неведомых потерпел крушение при посадке на планету Медея, обращающуюся вокруг звезды Эос, каковая известна еще под именем Зоряной звезды.

Во времена оны я мог бы воззвать к силам света и тьмы, к Всевышнему и ангелам его, вверяя им свою жизнь и жизни моих добрых товарищей, но ныне я могу уповать лишь на милость Их Величеств: Теории Относительности, Теории Вероятности и Теории Сингулярности.

Впрочем, ждать милости от кого или чего бы то ни было не входит в число человеческих добродетелей. А посему, отринув страх и уныние, я добровольно возлагаю на себя тяжкое бремя летописания всех важнейших событий и происшествий, случившихся на Медее в году две тысячи двести четвертом от Рождества Христова, с месяца августа, числа тридцать первого – и в последующее время.

Теперь пришел черед оставить столь модный ныне среди пишущей братии на Земле и на иных планетах Федерации Свободных Государств вычурный старомодный слог и перейти на обычный разговорный язык начала двадцать третьего века, дабы тебе, читатель, не пришлось утруждать себя, выискивая среди нагромождений словоформ и вязи языковых оборотов зерна истины и крупички фактов...

31 августа 2204 года

Наверное, неправильно, что я поставил эту дату. Но... тяжело. Даже сейчас, спустя столько времени, я ощущаю тот ужас, что охватил меня после того, как эвакуационный транспорт «Русь» подошел к Медею и попытался высадить на нее колонистов. Слишком много смертей, слишком яркие в памяти страх и боль...

И все же, поскольку я буду писать о катастрофе, дата должна быть верной – 31 августа 2204 года. Тогда все и случилось. Надеюсь, у меня получится точно и непредвзято описать произошедшее в этот день, описать без лишних эмоций, тем более что я собрал немало воспоминаний очевидцев. Стало быть, картина гибели посадочных модулей «Руси» получится более полной, и читатель сможет взглянуть на катастрофу не только через призму моего восприятия, а как бы глазами многих и многих.

Ну, довольно предисловий. В моей чернильнице достаточно аспидовой крови, а знаменитой «самолепленной» бумаги хватит, чтобы десять раз переписать Устав Военно-Космических сил, со всеми его приложениями и дополнениями.

...Итак, по среднеземному времени стояло раннее утро 31 августа 2204 года, когда огромный эвакуационный транспорт «Русь» с миллионом колонистов на борту выпал из абсолютного поля во мрак ординарного космоса на орбите планеты Медея.

Впрочем, мрак – это для красного словца, никакого мрака я не помню. В отличие от подавляющего большинства пассажиров «Руси», я не смотрел сладкие сны в гипносии, а нес вахту у сферического иллюминатора левого борта как постовой визуального контроля.

Свет Эос, звезды, вокруг которой вращалась Медея, бил мне в глаза, и пришлось задействовать поляризатор. Отсюда, с орбиты, планета напоминала исполинский спортивный мяч. «Русь» шла вдоль экватора, и под нами тянулся бурый, будто заштрихованный карандашом, узкий материк, делящий планету пополам. В северном полушарии, залитом светом, среди бирюзового океана виднелись крупные пятна островов, южное же было погружено во тьму, густо-синюю тьму вечной ночи. Я не знаю, в какие виды спорта играют вот таким сине-бирюзовым мячом, но почему-то в тот момент мне подумалось, что такой спорт обязательно есть и он числится у местного бога среди любимых.

Визуальный контроль на наших кораблях ввели после инцидента у Аппо, когда приборы тяжелого крейсера «Гренландия» не заметили вражеский смерть-зонд, изготовленный с использованием технологии «туман». Тогда погибло полторы тысячи человек, в основном элита Военно-Космических сил Земли, возвращавшаяся после переподготовки на корабли Первой Галактической эскадры.

В мои обязанности входило наблюдать за пространством и в случае обнаружения любого объекта доложить о нем в Командный пост. Не знаю, за какие заслуги получили свои назначения остальные визуальщики «Руси», я же этой чести удостоился, поскольку уже имел опыт военного корректировщика. Впрочем, об этом факте своей биографии я написал в другом месте.

На Медею я летел в составе экипажа «Руси», но с билетом в один конец. Если ты – стерил, если тебе за тридцать пять, то на Земле впереди тебя ждет только работа, холостяцкие будни и одинокая старость. И когда я ясно и четко осознал все это, то решил. Другая планета, другой мир, мир, познавать который я буду всю оставшуюся жизнь. Не знаю, как для других стерил, но для меня это все же был лучший выход, нежели выстрел из лучемета в голову, который неминуемо произойдет когда-нибудь похмельным осенним утром...

Сомнительная уникальность Медеи заключалась в том, что эта планета смотрела своим северным полюсом в центр Эос, с небольшим отклонением в три или четыре, не помню точно, градуса. Естественно, что в северных широтах стоял вечный полярный день и вечная же жара,

а в южном полушарии царствовали мрак и стужа. Такой вот дуалистический мир. Тут белое, там черное. Средневековые богословы визжали бы от радости, попадись им Медея под руку в нужный момент. Само собой, рай разместился бы на светлой стороне, ад, вместе с ледяным озером Коцит, – на темной, а посредине человечество влачило бы свои жалкие дни, зарабатывая достойное посмертие.

Впрочем, ну их, средневековцев... Наворотили они немало, и мы, неблагодарные потомки, не в силах расхлебать всю эту кашу, попросту наказали ретивых предков забвением. Грустно это или неизбежно – кто знает...

Вернемся к Медее. Единственный континент, шириной от пятисот до двух с небольшим тысяч километров, опоясывал, как я уже писал, планету по экватору и был вполне пригоден для жизни. Правда, Северный океан Медеи регулярно поставлял сокрушительные тайфуны с проливными дождями и ураганными ветрами, так как высокие широты являли собой естественный планетарный испаритель. Южный же океан, скованный многометровыми льдами, не менее регулярно «выдыхал» холодные циклоны, которые проносились над континентом, щедро одаривая его снегами и туманами.

Однако многочисленные горные цепи и хребты, возвышающиеся повсюду, создавали немало естественных оазисов в виде уютных горных долин с комфортным микроклиматом. В них наши колонии могли и должны были существовать, развиваться и процветать без особых проблем.

Впрочем, даже если бы проблемы и возникли, правительству Федерации на них было плевать, так как все колонисты, спокойно спящие в гипносиумах «Руси», вызвались полететь на Медею добровольно. По крайней мере тогда, 31 августа, я думал именно так...

Командир группы визуального контроля вышел на связь около шести утра по среднеземному времени. Я доложил, получил стандартный приказ продолжать наблюдение и вновь принял к иллюминатору. Согласно полетному расписанию, в Командном посту «Руси» в это время шел мониторинг околопланетного пространства на предмет обнаружения кораблей противника и проверялись данные, полученные со спутников слежения за поверхностью планеты. Перемирие перемирием, а бдительность на кораблях ВКС – основа основ.

В шесть сорок по внутренней связи прозвучало: «Внимание! В связи с отсутствием на орбите станций планетарного контроля всему экипажу перейти на усиленный вариант несения службы! Повторяю...»

И буквально спустя минуту в отсеках раздался рев сирен, а из динамиков загрохотало: «Боевая тревога! Боевая тревога! Два транспорта противника с эскортом обнаружены в шестистах тысячах, сектор «Бета-12-37». Приготовиться к экстренной посадке».

Помню, я тогда аж зубами закрипел от злости – ну надо же! Столько усилий, и все псу под хвост. Впрочем, мы-то уже на орбите, и пока пузатые лайбы грейтов доплетутся сюда, посадочные модули «Руси» успеют нырнуть вниз. Должны успеть...

Имелся у нас и козырь. Грейтовские транспортники садиться в атмосферу не умеют, стало быть, выгружать колонистов им придется при помощи стационарного портала на поверхности планеты, а этот портал еще надо туда доставить и собрать.

Командование ВКС потому и выбрало эвакотранспорт для высадки колонистов, что три посадочных модуля «Руси», два малых, пассажироместимостью по сто пятьдесят тысяч человек, и большой, в котором помещается семьсот тысяч, могли опускаться «на грунт» и взлетать с него.

Но в любом случае нам следовало торопиться. Грейты – мастера на различные каверзы. К примеру, какой-нибудь из их кораблей эскорта запросто мог «плюнуть» из ионной пушки в хвост «Руси», сбив нас с хода, и пока огромный эвакуационник восстановил бы работу реактора, пока на малой тяге вновь вышел на расчетную орбиту, прошло бы не менее трех часов.

Вводные и приказы различным службам корабля звучали теперь беспрерывно. Наконец эта предпосадочная лихорадка закончилась стандартным оповещением:

– Внимание экипажу! Объявляется минутная готовность до отделения посадочных модулей. Включить компенсаторные системы ложементов. Группе визуального контроля – повысить бдительность! Докладывать каждые пять секунд.

Помню, я усмехнулся. Все бодрствующие на борту «Руси» сейчас укладываются в ложементы, и мягкие лапы компенсаторов обхватывают их, точно заботливые материнские руки. Нам же, визуальщикам, эта роскошь не положена. Пока модуль не войдет в плотные слои атмосферы и не снизится до двенадцати тысяч метров, мы будем таращиться в наши обзорные сферы, покрытые паутиной разметки. Витка Крюков называет эту позу «бабушка в окошке». Подмечено точно, с одним только «но» – под задницей у «бабушек» лишь жесткие стулья-«вертуны», а единственная защита от болтанки – поручни по сторонам от иллюминатора, в которые я немедленно вцепился, точно клещ.

Мой отсек совсем крошечный – семьдесят сантиметров на полметра, и два метра в высоту. Экономия пространства на эвакотранспорте вполне понятна, но у такой клаустрофобической тесноты есть и иное объяснение. Если вдруг произойдет нештатная ситуация, высланные бугристым пенокомом стены не дадут мне разбиться.

Счет пошел на секунды. За это время я успел одиннадцать раз доложить в Командный пост. Медея синела внизу – «Русь» сместилась к южному полюсу, заходя под углом к экватору, чтобы посадочные модули нырнули вниз по гравитационной «горке».

Отделение произошло незаметно. Просто в какой-то момент я увидел слева ослепительно-белый борт первого малого модуля, уходящий вбок, а спустя несколько мгновений наверху возник базовый корабль с ходовым отсеком. После отделения огромных пеналов посадочных модулей выглядел он смешно и нелепо – крохотная сфера Командного поста, поблескивающая спица оси, на конце которой серел цилиндр реактора, опоясанный кольцом «дыркола».

«Русь» была построена по схеме «ромашка», и сейчас три титанических лепестка этого цветка оторвались от сердцевины, отправляясь в самостоятельный полет.

Первый малый модуль, шестисотметровый белый брусok с зализанными гранями, опоясанный венцом голубого пламени – это включились маневровые двигатели, уводящие его на посадочную траекторию. Второй малый я не видел, но знал – сейчас он выполняет точно такой же маневр по другую сторону от нас.

Наш же космический левиафан, без малого полтора километра длиной, восемьдесят метров высотой и триста пятьдесят метров шириной, садился по несколько иной схеме. Мы просто проваливались вниз, а сотни корректировочных двигателей по периметру удерживали модуль «на струне». Когда плотная атмосфера вокруг модуля начинала вызывать нагрев обшивки, под брюхом у нас должны были включиться одноразовые «батареи Лиманова», создающие гравитационную подушку, этакий парашют вверх ногами. На нем модуль медленно опустится на поверхность, не растряся свой драгоценный груз в семь сотен тысяч человек, а также запасы продовольствия, техники, расходных материалов, вспомогательные механизмы, походное жилье, комплексы связи, системы безопасности, и прочее, прочее, прочее...

Первый малый и базовый модули пропали из поля зрения. Мы все глубже проваливались в атмосферу Медеи. На нимбе планеты красиво светилась рубиновым блеском тонкая полоска терминатора, а внизу разлились жемчужные переливы облачных полей, из-под которых густо синели льды южного океана.

Неожиданно мне показалось, что там, где алый нимб переходил в чернильную тьму космоса, на мгновение вспыхнула крошечная искорка. Это мог быть банальный метеор, каменная пылинка, сторевавшая в атмосфере планеты, а мог быть и отблеск света Эос на иглах смерти-зонда.

– Командный, вызывает сорок седьмой! На сто тридцать четыре полста два объект, – сообщил я, уткнувшись лбом в холодную полусферу иллюминатора.

– Понял вас, сорок седьмой, – немедленно откликнулся командир визуальщиков Бертран Коши. – Объект замечен, классификация – С-2. Спасибо за бдительность.

«Классификация С-2» – это значит, что радары уже засекли мою искорку и определили ее как фрагмент искусственного сооружения, попросту – космический мусор, болтающийся на орбите. Возможно, речь шла об обломке одной из планетарных станций слежения, не обнаруженных нами.

Бертран замешкался с отключением, и я услышал, как кто-то из пилотов сказал: «Второй малый, у вас сбоит канал телеметрии. Перейдите на резерв...» И тут же раздался низкий голос капитана «Руси» вице-адмирала Старыгина: «Большой, пора! Будите вэвэшников, к моменту посадки они должны...»

Дослушать мне не удалось – Командный пост отключился. «Что за вэвэшники? – подумал я. – И чего они должны?»

И тут наш модуль первый раз тряхнуло. По ощущениям это напоминало езду в старинном колесном автомобиле, наскочившем на кочку. Мне хотелось бы написать тут, что именно тогда меня посетило нехорошее предчувствие, и так далее, но не буду врать – не было никакого предчувствия. Все шло штатно, мы явно обошли грейтов и к обеду вполне могли прогуляться по поверхности Медеи, которая к тому моменту де-юре вошла бы в планетную семью Федерации.

Наверное, нужно прояснить один важный момент: согласно Большому соглашению, подписанному на Гермесе, любая планета земного типа, лежащая на расстоянии одна плюс-минус 0,3 астрономические единицы от своей звезды, признается подпадающей под нашу или грейтовскую юрисдикцию в случае наличия на ней колонии численностью в миллион человек.

Другими словами, и мы, и они, дабы застолбить права на новый и, что особенно важно, пригодный для жизни мир, должны забросить на его поверхность миллион человек. Что и проделывалось с момента подписания Большого договора не раз и не два. Конечно, на первый взгляд это очень затратно, но война, как показывал печальный опыт последних десятилетий, намного затратнее...

Пока грейты преуспели, обходя нас на две планеты. Удачное заселение Медеи сокращало разрыв, и самое главное – эта планетка находилась в стратегически важном районе нашей Галактики, из которого можно было впоследствии двигаться к ядру, к звездным скоплениям, доселе нам недоступным.

После экспресс-сканирования геофизических параметров и трехдневной работы на поверхности исследовательской станции «Биосфера» Медею признали годной для колонизации с весьма высоким индексом комфортности. Аппараты Великой Коалиции также изучали планету, и вердикт грейтовских планетологов не отличался от нашего.

Диаметр планеты незначительно уступал земному, по массе Медея тоже отставала от нашей олд-мамми, вследствие чего сила тяжести там была немного меньше, чем на Земле. Имелись также отличия в газовом составе атмосферы – углекислого газа оказалось на полтора процента меньше, а вот кислорода в медейском воздухе было больше, чем в земном, на два процента.

Впрочем, эти мелочи специалисты по адаптации и акклиматизации посчитали незначительными. Климат в экваториальной зоне вполне соответствовал земным субтропикам, хотя и не имел четко выраженных сезонных колебаний.

Жизнь на планете развивалась, как следовало из краткой памятки колониста, по вполне привычным и понятным для нас эволюционным законам, от простого к сложному. В настоящий момент на Медее царили покрытосеменные растения, имелись грибы и водоросли. Вершиной эволюции животного мира считались крупные сумчатые, как травоядные, так и хищные. Численность первых оказалась довольно велика, так как на материке, несмотря на преобла-

дающий горный рельеф, существовали обширные травянистые равнины, похожие на земные прерии или саванны.

Океанские глубины были заселены разнообразнее и обильнее, чем суша, что неудивительно для планеты, на три четверти покрытой водой. Но из-за нехватки времени провести более-менее масштабное изучение гидросферы не удалось, и в памятке по этому поводу имела короткая фраза, выделенная красным: «Колонистам рекомендуется воздерживаться от посещения водоемов!»

Я потерял глаза и глотнул тоника из трубки, выведенной к иллюминатору. Черт возьми, нет ничего хуже для наблюдателя, чем экскурсии в недра собственной памяти. Из глубин подсознания следом за информацией о Медее начали всплывать какие-то посторонние образы, и я едва не отвлекся от наблюдения, что было бы равносильно сну на боевом посту.

Большой модуль продолжал снижаться. Чернота наверху подернулась голубоватой дымкой, звезды потускнели, а облака внизу приблизились, и в их разрывах явственно проглядывали темные ледовые поля Южного океана Медеи.

– Клим, ты как? – неожиданно прозвучал в моем отсеке голос Лехи Кудрявцева. Леха, грузный, габаритный парень, мой приятель еще по довоенным временам, значился в нашей группе тридцать первым номером.

– Норма, – ответил я. – Ты чего эфир засоряешь? Внизу поговорим.

– Это вряд ли, – вдруг бухнул Леха, но, соблюдая режим «чистого эфира», отключился. Забегая вперед, скажу, что он оказался абсолютно прав – больше поговорить с ним мне так и не удалось...

Освещение отрубилось на двадцать четвертой минуте посадочного интервала. Затем, буквально через долю секунды, свет вспыхнул – и вновь погас. Одновременно пропала индикация на панельке связи слева от обзорной сферы, и страшная, воистину мертвая тишина воцарилась в моем отсеке.

Я попытался соединиться с КП по резервной частоте, но связь отсутствовала. Модуль трянуло, потом еще и еще. Меня подбросило, впечатав в переборку, и вдруг навалилась страшная тяжесть, от которой буквально затрещали кости. Через иллюминатор я видел, как поверхность Медеи встала дыбом, потом оказалась сверху. Я не мог вдохнуть, не мог пошевелить не то что руками – даже пальцами!

Началась дикая свистопляска. Огромный модуль вертело, словно щепку. Из-за переборки я слышал грохот и крики. Перед глазами плыли багровые пятна, сорвавшийся с крепежей «вертун» прижал меня, точно в нем была тонна веса.

Сильный удар! Гром ударил по ушам, и корпус застонал в ответ. Иллюминатор заволокло серой мглой. Я рухнул на пол, больно ударившись ногой. Перегрузка по-прежнему не давала возможности пошевелиться. Точно помню – страха не было, хотя я отчетливо понимал, что спустя несколько минут погибну. И еще: я представил тогда, что творится в других отсеках, каково сейчас экипажу модуля, и почему-то мне стало страшно за сотни тысяч колонистов, спящих в блоках гипносиума. Казалось бы, сама судьба пощадила их, подарив легкую и безболезненную смерть во сне. Но именно то, что они умирают в неведении, и заставило меня сожалеть не о себе, а об этих несчастных.

Еще более мощный удар перевернул модуль, бросив его вниз. Меня стошнило. Вцепившись в поручни, я ударился спиной о переборку, сполз на пол и вдруг почувствовал, что стало легче дышать и двигаться. Мы больше не падали – мы, получив ускорение, летели по кривой дуге вперед и вниз.

Кое-как встав на четвереньки и упершись спиной в дверь отсека, я сунул голову в полусферу иллюминатора. Сквозь разрывы туч внизу проносились горные вершины. Сплошное месиво из камня и льда, сулившее нам скорую смерть. Но я вдруг неизвестно почему обрадовался: «Хорошо, что не в океан!»

В тот момент я еще не знал, что после обесточивания всех систем модуля водород продолжал поступать в камеры сгорания планетарных двигателей. Когда модуль упал на девять тысяч метров и оказался в плотных слоях атмосферы, насыщенных кислородом, в камерах образовалось достаточное количество гремучего газа. Два удара, сотрясшие модуль, были взрывами, разворотившими кормовую часть. Но именно эти взрывы и спасли нас.

Модуль выровнялся, слегка задрав носовую часть, а поскольку площадь его была колоссальной, мы начали нисходящий и как бы планирующий полет к поверхности. Я пишу «как бы», потому что планер опирается на воздушные потоки, а мы из-за огромной массы продавливали их, со страшной силой трамбуя воздух. В какой-то момент, когда до гор оставалось несколько сотен метров, этот воздушный тромб ударил о ледник на склоне безымянного хребта, сорвав сотни тонн снега и льда. Нас подбросило. Словно выпущенный из катапульты снаряд, модуль полого перелетел через скалистый гребень, зацепил его кормой и разломился на две неравные части.

Меня бросило вперед, и началась такая тряска, в сравнении с которой все предыдущее оказалось детскими качелями. Если бы не пеноком на стенах отсека, думаю, я погиб бы, как погибли сотни и сотни колонистов.

Задняя часть модуля, в которой находились вместительные кормовые трюмы с техникой, припасами, сырьем и несколько отсеков гипносиума, осталась за гребнем, и там почти сразу же начался сильный пожар, сопровождающийся взрывами. Впрочем, об этом после, скажу лишь, что все люди, находившиеся в отсеках и гипносиумах на корме модуля, а это без малого полторы сотни тысяч человек, погибли.

Пробороздив по пологому склону огромную канаву, передняя часть выехала на каменистое плато, ударилась о покатую скалу и наконец замерла. Конструкции корпуса не выдержали нагрузки, и модуль попросту распался, вспучив обшивку. Отовсюду повалили клубы дыма, в недрах гигантского сооружения трещало пламя. Грохот стоял неимоверный, пыль заволокла все вокруг, и оранжевая Эос казалась грозным оком древнего божества, гневно вззирающего на нас.

В модуле, распухшем при ударе о скалу, образовалось множество дыр и трещин, и из них хлынул сплошной людской поток. Задыхающиеся, обожженные, покалеченные люди стремились как можно дальше уйти от смертоносного модуля, над которым уже вставало огненное зарево.

Впрочем, эти события, равно как и первые впечатления от поверхности Медеи, я описываю исключительно с чужих слов, так как сам в первые часы после катастрофы ничего не видел и не слышал...

Итак, модуль лежал на краю довольно обширного холмистого плато, протянувшегося на несколько десятков километров вдоль горного хребта. От гор на юге до обрыва на севере плато раскинулось на семь-восемь километров. Скалистый гребень, разломивший модуль, терялся в пыльной дымке на востоке, к которой быстро примешивался черный дым пожарища, западные же пределы бурой каменистой равнины очерчивало небольшое скалистое нагорье.

Обрыв, отделявший плато от огромной равнины, простирающейся на много сотен километров к северу, до самого океана, поражал воображение. Высота его колебалась от полутора до двух километров, и практически везде это были отвесные скалы. Видимо, когда-то давно, во времена тектонической активности, в этом районе произошел сдвиг пластов горных пород. Кажется, в геологии такое явление называется не то горст, не то грабен.

Мне, без сомнения, повезло. При ударе о скалу мой отсек буквально сплющило, но за мгновение до этого лист обшивки со сферическим иллюминатором выгнуло буквой Г, и он, спружинив, полетел в сторону. Я полетел вместе с ним, уцепившись за страховочные поручни – точно в соответствии с техникой безопасности. Память моя этого полета не сохранила, равно

как и удара о поверхность. Сколько часов я пролежал без сознания, также неизвестно, потому как эти самые часы никто и ничто не считало.

Очнулся я в темноте от сильнейшей боли. Тело мое оказалось сжато со всех сторон, а в левое колено словно впились раскаленными зубьями огромные клещи, сжимаемые безжалостными руками палача.

Я заорал от боли и страха – но не услышал себя. Не услышал, потому что вокруг все грохотало, трещало и стоял ужасный крик. Пахло гарью. В какой-то момент мне подумалось, что я умер и нахожусь в могиле. Потом – что я замурован внутри искореженного корпуса модуля. Тут сверху что-то рухнуло, сдавив меня еще сильнее, и боль резанула ногу так, что я снова потерял сознание...

– Жив, браток? Эй, браток...

Чьи это слова? Кто склонился надо мной? Почему у него такое уродливое лицо? Почему на нем желтая роба? Почему я больше не чувствую боли? Почему сумерки? Что за странное фосфоресцирующее небо вверху? Это закат или рассвет?

– А-а-а... – из моего пересохшего рта вместо слов вырвался лишь стон. Человек в желтом обрадованно растянул в жутковатой ухмылке обезображенное лицо с комковатым шрамом вместо глаза.

– Живой, значит. Ништяк. Потерпи, браток, сейчас я ногу-то твою... Потерпи, слышь!

Он сунул какой-то штырь под лист обшивки, придавивший меня, навалился, захрипел от натуги и приподнял скрученный кусок металла.

– Отползай!.. Мать твою, я ж не удержу...

Собрав все силы, я сжал зубы и попытался перевернуться на бок. Утихшая было боль вспыхнула с новой силой и жидким огнем разлилась по всему телу. Я застонал, но все же сумел уцепиться руками за теплые космы теплоизолянта, торчащего из-под груды металла, и передвинуть свое непослушное тело в сторону.

– Ты это... – одноглазый снова склонился надо мной, – полежи тут, я пошарюсь, может, еще кто живой есть. Потом приду.

И желтая роба исчезла за завалами, высящимися повсюду.

1 сентября 2204 года

Я проснулся. Солнце било в глаза. Надо мной чуть колыбался серый полотняный навес. Тупой болью пульсировала нога.

Где я? Что со мной?

– Здорово, браток! – раздалось над самым ухом, и под навес забрался человек в грязной желтой робе. Все лицо его покрывали безобразные багровые шрамы, но единственный глаз смотрел весело и уверенно. «Циклоп», – подумал я.

И вспомнил. Вернее, все, что произошло со мной, эвакуотранспортом «Русь» и остальными колонистами за последнее время, само собой хлынуло в память, затопив ее без остатка.

Посадка. Катастрофа. Ад на земле, точнее, на Медее. Сломанная нога. Сотни тысяч растерянных, израненных людей на каменистом плоскогорье.

Ветер донес запах жженого пластика – посадочный модуль продолжал гореть, а за скалистым гребнем на востоке, где рухнула отломившаяся кормовая часть, по-прежнему бухали взрывы и жирная копоть столбом поднималась в бирюзовое небо.

– Ну, как ты? – Циклоп, изобразив на изуродованном шрамами лице подобие улыбки, свалил в угол принесенные ящики. – Болит?

– Ноет. Ничего, терпимо. – Я приподнялся на локте. – Чего там? Пора бы уже и спасателям появиться, сутки почти прошли.

– Тысячи глаз в небо глядят, губы упрямо твердят... – невесело усмехнулся мой спаситель, взвешивая на ладони острый каменный осколок. – Я так себе думаю – не будет спасал. Никого не будет. Амба.

– Почему?!

– Энергии, электричества-то – нет. Вообще, понимаешь? Я тут с утра потолкался вокруг, с людьми разными перетер. Короче, народ считает, что с магнитным полем байда какая-то вышла. Оттого мы и наверхулись, сечешь?

– То есть... То есть ты хочешь сказать, что и связи нет? – Я ошарашенно покрутил головой.

– Связи нет. Техника не работает – вся. Оружие. Машины. Часы. Пламенники. Скафандры. Даже зажигалки сдохли, понял?

И он с силой рубанул камнем по плоскому контейнеру, из которого торчали обрывки проводов.

Я в полной прострации пытался найти хоть какое-то объяснение тому, о чем мне поведал Циклоп, но постепенно до меня доходили масштаб случившегося и возможные последствия. Да, он прав – действительно амба...

– А-а-а, падла! – заорал Циклоп, азартно молотя камнем по контейнеру. – Н-н-а! Н-н-а-а!!

После серии ударов тот не выдержал и треснул. Разломив серые пластины, Циклоп вытряхнул на землю содержимое – стеклянные трубки со штырьками и разноцветную электронную требуху.

– Что это?

– Я так понимаю – пилотская индивидуальная аптечка первой помощи. Там возле модуля ложемент валяется, я из него и выдрал. Щас лечиться будем.

Он быстро рассортировал трубочки, взял одну, с бледно-зеленой жидкостью внутри, и снял красный колпачок.

– Если чего – молись.

– Э-э-э! – Я хотел остановить его, но Циклоп уже всадил иглу мне в бедро и с силой надавил на поршень, вводя содержимое трубки.

– Не бойсь, живы будем – не помрем. Это комплекс номер три, тут маркировка есть. Стимулирует иммунную систему, уничтожает патогенные микроорганизмы, способствует заживлению ран и сращиванию костей. Дозняк я тебе всадил лошадиный, так что скоро жариться начнешь. Это ненадолго, полчаса – и будешь огурцом.

Возражать было поздно, да и бессмысленно. Кусок обшивки, придавивший мне ногу, не только сломал кость, но своим рваным краем разворотил колено. Циклоп еще вчера, как только обнаружил меня в полубессознательном состоянии, залил рану водкой из найденной фляжки, туго забинтовал ногу теплоизоляционной тканью и наложил шину из трех титановых полос, скрепив все сооружение проволокой. На одном куске металла сохранились красные буквы «Аварийный...».

Потом он оттащил меня подальше от горящей громады модуля, соорудил из разбросанных повсюду обломков треногий каркас, накинул сверху кусок теплоизолянта и ушел. Я несколько раз проваливался в забытие, зачем-то пытался выползти из своего импровизированного шатра, но снаружи царили сумерки, подсвеченные багровым пламенем пожарищ. В отдалении меж камней и обломков бродили какие-то люди, все кричали, над равниной стелился черный дым...

А может, это привиделось мне в бреду? Может, все не так уж и плохо? Наверняка администрация колонии уже навела порядок, для людей организованы пункты медицинской помощи, развернуты временные укрытия, налажено питание...

– Ты жрать будешь? – спросил Циклоп, роясь в большом синем ящике из металлопластика. – Тут десантные сухпайки. Разогреть нельзя, так что придется всухомятку.

– Попить бы, – я с трудом сглотнул. Во рту неожиданно стало сухо, как в пустыне. Циклоп молча протянул мне плафон коридорного освещения. В плафоне отчетливо голубела вода.

– Откуда? – просипел я.

– Местная. Тут километрах в двух речка с гор течет. Быстрая, вроде заразы быть не должно. Все пьют.

– Ага. – И я приник губами к краю плафона. Вода оказалась вкусной. Но едва холодный комок прокатился по пищеводу и достиг желудка, как все тело охватил жар, точно меня засунули в микроволновку.

– О! – радостно оскалился Циклоп. – Комплекс номер три. Действует. Лежи, лежи. Поколбасит – и отпустит. Зато гангрены не будет.

– Какой еще ган-гре-ны? – прошептал я, с трудом различая сквозь мутную красную пелену, заставшую глаза, коренастую фигуру в желтой робе. Он что-то ответил мне, но я не услышал – провалился в горячечный мираж и долго-долго летел среди огнедышащих вулканов и фонтанов лавы, бьющих в мрачные темные небеса.

Время от времени в голове возникали неповоротливые, ленивые мысли. Как ни странно, думал я о Циклопе. Кто он? Что привело его на борт «Руси»? Почему он помогает мне? Где он получил такие увечья, и самое главное – почему не воспользовался услугами пластической хирургии?

Ответов на вопросы я, конечно же, не получил и все летел, летел сквозь огонь...

Температура спала так же резко, как и поднялась. Исчезли вулканы, исчезло пламя. Я лежал в луже пота и улыбался, ощущая необычайную легкость во всем теле. Нога практически не болела.

– Сейчас взлечу! – проговорил я счастливым голосом.

– Это от кислорода, – немедленно откликнулся Циклоп. – Кислорода тут, сдается мне, больше нашего. Временами прям в балдеж впадаешь – типа все ништяк. Ну что, давай подниматься?

– На фига? – в тон ему ответил я, блаженно улыбаясь.

– Ну, отлить тебе не надо, что ли?

Кое-как встав на ноги, я ухватился за решетчатую арматуру каркаса и едва не завалил палатку.

– Тю-тю-тю! Спеша помаленьку. На вот, я смастрячил, пока ты жарился, – и Циклоп вручил мне блестящую кривулину, умело выгнутую из медицинской стойки для приборов.

Костыль оказался мне в самый раз. Я успел удивиться – где это мой новоявленный приятель приобрел такие навыки, но он уже торопил меня, точно мы опаздывали. Впоследствии я не раз убеждался в удивительной интуиции этого человека – он всегда умудрялся оказываться в нужном месте и в нужное время.

Наша палатка стояла на невысоком бугре. Вокруг лежали серые крапчатые валуны, щетинился чахлый кустарник. Эос висела низко и казалась размазанным красным пятном. По высокому, какому-то необычно прозрачному бирюзовому небу ползли редкие вытянутые облака.

На севере, метрах в трехстах, начинался обрыв. Циклоп сказал мне, что подходил к самому краю. Отвесная стена, по его мнению, уходит вниз километра на два. Воздух над обрывом тек, переливался, и сквозь дрожащее марево внизу угадывалась бескрайняя зеленая равнина.

На юг от нашего бугра тянулась плосковина, окаймленная по горизонту невысокими сизыми горами, за которыми в дымке рисовались грандиозные заснеженные пики. Кое-где виднелись холмы, поросшие небольшими курчавыми деревцами, а на берегу поблескивающей ленты реки темнел настоящий лес, уходящий к западу.

На востоке, за зубчатым скальным месивом, о которое нас ударило, стояло непроглядное клубящееся дымное облако. То и дело сквозь него прорывались языки пламени и слышались глухие взрывы.

В километре от нас высилась закопченная, изломанная туша посадочного модуля. Из дыр в обшивке торчали скрюченные ребра ферм, отовсюду тек тяжелый дым, чернящий небо.

Модуль напомнил мне выброшенного на берег исполинского кита, космического Моби Дика, истерзанного штормами и изодранного о рифы. Сходство усиливали стаи крупных длиннокрылых птиц, кружащихся над плато.

И все пространство вокруг модуля, заваленное обломками, покрывал пестрый людской ковер. Колонисты сидели и лежали на земле, группами и поодиночке бродили окрест, что-то выискивая под ногами. Некоторые разбирали завалы, вдали я различил длинную цепочку людей, слаженно передающих друг другу обломки. Это несколько успокоило – значит, кто-то сумел хоть что-то организовать. В целом же зрелище было кошмарное. Особенно надрывали душу громкие вопли тех, кто ходил и искал своих родных и близких, выкрикивая их имена.

Черный дым в небе, унылый пейзаж, мертвый разбитый модуль, обломки и мусор повсюду, крики и витающая в воздухе общая угнетенность подействовали и на меня. Новый мир напоминал мрачную апокалиптику картин Ганса Грюндига.

Я мог бы назвать это адом, но это не будет правдой, ибо ад с его мучениями – выдумка человеческого разума, а то, что произошло с нами, никакой человек придумать не в силах...

– Не дрейфь, браток! – Циклоп легонько хлопнул меня по плечу.

– Я не... Сколько тут... нас?

– С полмиллиона, я прикидывал уже.

Помолчали. Наконец Циклоп шагнул вперед:

– Ну что, пошли, что ли. Тебя звать-то как?

– Клим, – машинально ответил я и, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, да и из уважения, тоже спросил: – А тебя?

– Меня? Ну, зови Лускусом. Это погоняло такое, типа...

Я молча кивнул, но про себя усмехнулся – уж очень не вязалось латинское «Одноглазый» с люмпенским словечком «погоняло».

Одно радовало – стояла прямо-таки курортная теплынь, от нагретых Эос камней шел ощутимый жар. Спустившись с бугра, мы очутились среди множества людей, по большей части одетых в такие же, как у Циклопа, желтые робы. Многие спали, некоторые играли в карты, кто-то просто сидел, бездумно глядя в небо. Меня поразило, что несколько десятков, а может, и больше сотни тысяч мужчин, а в основном вокруг были мужчины, ничего не делают ни для собственного, ни для чужого спасения.

Между тем в броуновском движении людских масс на равнине возникла некоторая упорядоченность.

– Это чегой-то там? – заинтересованно пробормотал Циклоп-Лускус, вытягивая шею. – Ага, никак начальство какое-то... Клим, у тебя два глаза, погляди-ка, что там такое?

Я всмотрелся, сощутив глаза.

– Темно-синие мундиры, человек двадцать. Военно-Космические силы, полетная группа. Наверное, уцелевшие члены экипажа. С ними толпа. Ничего не пойму... Ряженные, что ли? В простынях каких-то... Пошли поближе!

Лускус в ответ криво дернул ртом.

– Поспешай медленно, браток. Они сами сюда придут. Странно, что без конвоя...

Я хотел спросить, о каком конвое идет речь, но не успел – среди желторобников началось шевеление, и вскоре на вытянутой площадке, свободной от обломков модуля и камней, появились те, про кого Лускус сказал:

– А вот и авторилы засуетились.

Слова эти – «конвой», «авторилы» – вкупе с желтыми робами и странноватым поведением их обладателей навело меня на определенные мысли.

– Погоди, э-э-э... Лускус, так вы что, заключенные?

Он усмехнулся:

– Уж не комсомольцы-добровольцы. А ты не знал, что ли? Да весь транспорт набили нашими под завязку! Тут и пленные солдаты Коалиции, и уголовники, и ссыльники, и выселенцы. Монгольский мятеж в конце войны помнишь? Все тут, с семьями. Куда девались «свободные шотландцы», знаешь? Тоже тут. А Корпус спасения знаешь как формировался? Пацифистам предложили – или на военные заводы, или каналы рыть в Сахаре, или сюда. Многие согласились.

– Ты тоже заключенный?

– Тоже, – коротко ответил Лускус и пихнул меня локтем: – Гляди!

На площадку, где собралось несколько сотен желторобников, вышла группа людей в синих мундирах. Впрочем, там были не только члены экипажа «Руси» и вэкаэсники. Серебристые комбезы Корпуса спасения, камуфляжные армейские куртки, белые арабские бурнусы, пестрые стеганые халаты, даже парочка оранжевых плащей из спасательных комплектов. Словом, народ подобрался разный. Одного я узнал – это был рядовой информационно-аналитической службы эвакотранспорта, низенький человечек с прилизанными волосами, которого звали Иеремия Борчик.

Впереди шла высокая женщина-офицер, сопровождаемая двумя здоровенными вэкаэсниками в форме службы корабельной безопасности. Парни угрюмо оглядывались, вертя в руках железные прутья. Женщина же шагала прямо, держалась уверенно, и, глядя на нее, сразу становилось ясно, кто тут старший, несмотря на то что индикация на погонах не работала.

Что-то в ее походке, в движениях показалось мне знакомым, но лица я разглядеть не смог – мешали люди вокруг.

– Вот теперь пошли-ка поближе. Как-никак начальство прибыло. – Лускус подхватил меня под руку и потащил вниз. Я и сам уже понял, что оставшиеся в живых члены экипажа собирают своих и совершают, если говорить армейским языком, рекогносцировку. Стало быть, мне нужно было как минимум обозначиться.

Женщина остановилась. Напротив нее стояли человек шесть желторобников, носящих свои арестантские куртки с подчеркнуто небрежным изяществом, на манер гусарских ментиков. Суровые лица украшали шрамовые татуировки, на коротко стриженных головах белели выбритые анки, молнии, свастики и прочие оккультные знаки. Впереди стоял невысокий худой мужчина, голый череп которого украшал вытатуированный паук.

– Это заправили из Пенемюндского лагеря, – пояснил мне Лускус. – Отморозки конченные. Тот, что с пауком на башке, – Йен «Каракурт» Ван-Варенберг.

– Голландец? – спросил я.

– Ублюдок, – ответил Лускус. – Во время войны был заместителем командира корпуса диверсий и террора. Это он придумал гирляндное повешение. Говорят, сам, лично убивал всех пленных женщин-офицеров. Как от пули ушел – не знаю. Скользкий, сука. И опасный...

О Ван-Варенберге я слышал. Вот уж не думал, что такие вырождаки после победы остаются жить. Видимо, всеобщая военная амнистия, объявленная победителями в порыве гуманизма, творила настоящие чудеса.

– Почему ваши люди не участвуют в разборах завалов и помощи раненым? – спросила вэкаэсница, глядя куда-то в сторону, точно она обращалась не к Варенбергу. Услышав ее голос, я вздрогнул. В голове закружился настоящий хоровод: «Неужели она? Здесь?! Но как, откуда?..»

– А кто интересуется? – холодно полюбопытствовал Каракурт. Он стоял, заложив руки за спину и широко расставив ноги в высоких армейских ботинках.

– Исполняющая обязанности военного коменданта планеты Медея, майор Военно-Космических сил Земли Анна Морозова.

За спиной у Варенберга послышался смех. Он тоже улыбнулся, на короткий миг превратившись в веселого и даже обаятельного человека.

– А не подскажете ли, майор, кто назначил вас на эту должность? Я вижу, что вы связист, ведь так?

Акка – теперь, услышав имя и фамилию, я уже не сомневался в этом и полез вперед, расталкивая внимательно прислушивающихся к разговору заключенных, – ответила коротко:

– Согласно Уставу ВКС в случае особых обстоятельств или аварийной ситуации на борту судна и на любой иной территории командование принимает старший по званию офицер. Я задала вам вопрос о вашем бездействии – потрудитесь дать ответ.

– А не будет никакого ответа, – пожал плечами Варенберг. – Нам обещали, что на Медее мы станем свободными людьми...

Вокруг одобрительно зашумели, но Каракурт поднял руку, и все затихли.

– Вот Медея. Вот мы. Мы – свободны и делаем то, что хотим. Разве не так, майор?

– Нет так. Ситуация вышла из-под контроля, и вы это прекрасно понимаете. На территории объявлено военное положение, а следовательно, действуют законы военного времени. И перестаньте прикидываться, Ван-Варенберг, у меня нет времени на эти игрища.

– Ну так, может быть, поиграем в другие? – изогнув шею, Каракурт скорчил непристойную гримасу, оскалив зубы и высунув извивающийся язык.

Акка отвернулась от него и обвела взглядом желторобников.

– Я обращаюсь ко всем бывшим заключенным: наше положение отчаянное. Волей случая и обстоятельств мы оказались в беде, в западне, и если хотим выжить, должны рассчитывать только на свои силы. Сейчас там, возле модуля, идет борьба за жизни людей, оказавшихся под завалами и заблокированных во внутренних помещениях. Все, кто может помочь, – помогите. Остальным Бог судья, но помните, что каждому воздастся по делам его... И еще: вечером, после захода Эос, жду ваших старших в штабной палатке на берегу реки. Ориентир – красный выпел. Состоится совещание командования и представителей колонистских общин.

И Акка двинулась дальше, проигнорировав кривляющегося Ван-Варенберга.

– Э-э, дамочка майор! А можно я попозже приду, а? – захихикал он, пытаясь загородить ей дорогу.

– Зачем? – хмыкнула Акка, небрежно отодвинув Каракурта. – От курочки хоть яичко, а от петуха и того нет.

Эки заржали – Ван-Варенберг и его отморозки еще во время войны открыто придерживались доктрины «женщина – ошибка природы», предпочитая скреплять свое боевое братство не только кровью, а это никогда не пользовалось поддержкой большинства солдат Великой Коалиции.

– Тварь! – заорал Каракурт, скидывая куртку. В руке у него блеснул спринг-наиф.

Я оттолкнул стоящего передо мной желторобника и оказался возле Акки. Колено запульсировало болью, ладони сделались влажными.

Ван-Варенберг прыгнул вперед, отводя руку с ножом для удара. Безопасники с железными прутами, все это время стоявшие в отдалении, поспешили на помощь своему командиру, но прежде чем они успели остановить Каракурта, откуда-то сбоку вырос вездесущий Лускус.

Он ловко вывернул спринг-наиф из пальцев Каракурта, что-то тихо сказал ему и втолкнул в гущу сгрудившихся эков. Спрятав нож, мой негаданный приятель шутливо поклонился застывшей Акке и закричал, обращаясь к желторобникам:

– Братва! Дела и впрямь херовые. Выжили мы чудом, а могли б подохнуть в этой консервной банке. Но там остались наши братки, те, кому не повезло. Оглянитесь вокруг – все видят своих корешей? Где они? Так что кончай базар. Да и Сыч утром сказал – если попросят, надо помочь...

Если на протяжении короткой речи Лускуса эки угрюмо молчали, то последняя фраза произвела на них магическое действие – народ зашевелился и начал расходиться. Со всех сторон слышалось:

– Ну, раз Сыч... Надо помочь, надо!

Лускус тем временем еще раз поклонился Акке:

– Домина Анна, не волнуйтесь. Все будет тип-топ.

И растворился в толпе.

Я стоял, смотрел на Акку и даже, кажется, улыбался. Она, бледная, с плотно сжатыми губами, тоже смотрела на меня.

– Здравствуй, Аня. Ты – тут?

– Здравствуй, Клим. Как видишь. Что с ногой?

Я скривился:

– Ерунда. Ушиб и царапина. Как ты? И все же – почему здесь?

– Потом, Клим, все потом. Если в состоянии, приходи в штабную палатку, у нас каждый человек на счету. Все, до встречи.

И она ушла, сопровождаемая своими безопасниками. Я смотрел ей вслед, а в голове раскручивалась лента воспоминаний...

Акка. Аня Морозова. Мы не виделись десять, нет, одиннадцать лет. Она почти не изменилась, только отпустила волосы, да возле серых глаз залегли едва заметные морщинки.

Высокая, худая, Акка имела, как говорили в Великом веке, «фигуру манекенщицы». Но при взгляде на нее мне почему-то всегда думалось другое. На ум приходили былинный Север, «Калевала», саги Снорри Стурлусона, все эти «Пророчества Вёльвы» и «Песни Высокого».

Впрочем, свое чудное прозвище она заслужила не за внешность, а за характер. Аккой ее прозвал на третьем курсе известный институтский острослов Борька Коровкин. Мы тогда всей группой отправились в поход по Полярному Уралу и попали под снеговой заряд. Холод, метель, сугробы по пояс. Если бы не Аня, многие из нас так и остались бы там, на склоне мрачной горы Пай-Яр. Но она, точно в нее вселился какой-то бешеный ненецкий демон, буквально на себе вытащила группу, подгоняя отстающих, помогая ослабевшим, подбадривая отчаявшихся.

«Кто не может летать, как мы, пусть сидит дома!» – говорила Аня, и здоровые парни, задушено хрипевшие: «Все, не могу больше», распрямляли спины, забирали у девочек рюкзаки и шли за ней напролом. Вот тогда Борька и вспомнил Акку Кнебекайзе, вожака гусиной стаи из «Путешествия Нильса». Кстати, «акка» с карельского переводится как «госпожа», и тут дошлый Коровкин угадал на все сто.

Наш с Аней роман начался случайно. Она всегда нравилась мне, но ледяное спокойствие и уверенность, исходившие от нее, создавали между нами незримый барьер, а отчасти и пугали – ну не может женщина быть такой... сильной.

Акка напоминала богиню, случайно оказавшуюся среди людей. Богиню не в смысле красоты, а потому что ее логика, ее поведение, ее эмоции были непохожи на обычные, женские.

И все же я рискнул. Мы встречались полгода, потом стали жить вместе. Аня оказалась хорошим, да чего там, просто идеальным другом – заботливым и преданным. Но дружба между мужчиной и женщиной – нонсенс. А любви у нас как-то не получилось. Иногда мне казалось, что я на время сумел растопить ту ледяную корку, что сковывала ее душу, но скорее всего я просто попал в плен иллюзий.

Она была очень смелой. Точнее, не так – она не знала, что такое страх. Или вот, точнее всего: она боялась только одного – испугаться. И поэтому ежедневно, ежечасно доказывала себе и всем вокруг, что ничего не боится и все может. А любовь – это помимо прочего еще и страх, боязнь. Страх за любимого человека и боязнь его потерять.

Помню наш последний разговор. Мы тогда сильно поругались, оба были на взводе. Она начала собирать вещи. Я подбрасывал реплики, как поленья в топку. Злые мысли, злые слова...

Упаковав контейнер с вещами, она лихо закинула его в разъявленный порт транспортера и сказала с усмешкой:

– Больше всего я не люблю генавров. А ты, Клим, даже не генавр. Так, генаврик. Не обижайся, но таких, как ты, – миллионы. Вы мотыльками кружите вокруг пылающей лампы эпохи, но не рискуете приблизиться к ней близко, потому что знаете – сгорите.

– Что такое генавр? – угрюмо спросил я.

– Герой нашего времени, сокращенно.

– Какое время, такие и герои... – Я вдруг почувствовал внутри какую-то ошеломляющую пустоту.

– Не обиделся? – Она прищурилась, взялась за ручку двери.

Я промолчал. Я не сказал ей тогда, что обиделся, и очень. Но не на нее. На правду.

Мы расстались как раз накануне войны Востока и Запада. После я узнал от общих знакомых, что Акка тоже пошла в армию, но, в отличие от меня, не в сухопутные войска, а в ВКС. С тех пор мы и не виделись, а потом жизнь завертела, закружила меня и вот выкинула на каменистое плато где-то на планете Медея...

Наша встреча здесь показалась мне знаком свыше, перстом судьбы, и жизнь, еще несколько часов назад напоминавшая ад наяву, вдруг обрела скрытый до этого смысл. «Быть может, все это произошло лишь для того, чтобы мы вновь встретились?» – подумал я и почему-то даже не удивился откровенному цинизму, явно звучащему в словосочетании «все это». Десятки, а может, и сотни тысяч жизней – вот что такое «все это». Да, я удивительно бездушная скотина, но надо быть честным хотя бы с самим собой – встреча с Аккой для меня важнее «всего этого». Такая вот эгоистичная откровенность...

Лускус возник возле меня, как будто вывалился из абсолютного поля.

– Айрон-мейден! – совершенно серьезно сказал он, кивнув вслед Акке. – Давно знакомы?

– Давно... – рассеянно ответил я.

– Ага. Ну ладно. Ты вот чего, Клим. Давай шкандыбай в штаб ихний, как раз к вечеру дойдешь. Твое место там, да и мое, наверное, тоже. Вот это Миха, он проводит и поможет, если что... Все, бывай здоров, браток!

И не дав мне сказать ни слова, этот загадочный человек опять исчез. Я крикнул ему вслед:
– А кто такой Сыч?

Но вопрос остался без ответа.

Миха, маленький мужичонка с красным, постоянно двигающимся, точно резиновым, лицом, топтался поодаль.

– Пошли, что ли, начальник, – сказал он и шмыгнул носом.

И мы пошли...

По дороге я задал своему провожатому тот же вопрос – про Сыча. Миха снова шмыгнул и ответил так:

– Дык оно тебе надо – Сыч этот? Чекасить кеды по квестам – хедулину сломишь.

Настаивать я не стал. Моя хедулина, в смысле – голова, и так разламывалась от боли. Мы шли от холма к холму, то и дело натываясь на группки людей. Меня поразило обилие женщин с детьми и стариков. Иногда нас окликали, спрашивали, не видели ли мы такого-то или такую-то.

Чадающая дымом громада модуля медленно приближалась. Вокруг кипела работа – добровольцы растаскивали обломки, выискивая под ними выживших. Из трещин корпуса сочилась разноцветная слизь – оставшись без энергоподпитки, биопласт, которым были облицованы практически все внутренние помещения модуля, начал гибнуть и постепенно вытекать наружу.

Мертвых складывали отдельно, рядами. Их оказалось много, очень много. Искалеченные тела, разможенные головы, остановившиеся глаза, бездумно глядящие в чужое небо, в котором кружились черные птицы, издающие пронзительные крики...

Вскоре мы увидели импровизированный госпиталь – сотни, а то и тысячи людей лежали прямо на земле. Многие были без сознания, возле некоторых хлопотали родственники. Стоны и вопли били по ушам, и хотелось бежать, бежать прочь от этого кошмара.

Нога болела нестерпимо, я весь покрылся липким потом, перед глазами плавали какие-то темные пятна.

– Начальник, садись, лечить твою футовину будем, – распорядился Миха, заметив мое состояние.

Он вынул из-за пазухи несколько уже знакомых мне трубочек, снял колпачок с одной из них и вколол дозу голубой мутной жидкости.

– Что это? – дрожащими губами еле слышно спросил я.

– Кайфушка. Ща все гудово станет. На вот, как дойдем, ширнешь эту хрень, и полежи, понял?

Хрень оказалась уже знакомой мне ампулой с комплексом номер три. Я сунул ее в карман, и тут начало действовать зелье, вколотое Михой. Видимо, это был боевой стимулятор, потому что боль сразу точно отрезало, голова стала ясной, а все тело наполнила неудержимая жажда движения.

Быстрая речушка, текущая с гор, весело переливалась перекатами, совсем по-земному щебетала что-то на своем речном языке, и мне вдруг ужасно захотелось искупаться. Стимулятор бурлил в моей крови, и все казалось возможным, все было по плечу.

– Миха! Айда купнемся!

– Ты че, начальник, суперноуп! – серьезно ответил мой провожатый, нахмурившись. – Ватерка – это ж питье. Пиплы убьют, если залукают. И потом – футовина твоя по звезде пойдет сразу. Терпи, начальник, это кайфушка тебя дурит. Вона редовину на палке сечешь? Это сабжуха наша, пришли, почитай...

Впереди показалась штабная палатка, а точнее, импровизированный шатер из кусков серой упаковочной материи. Вэкаэсники использовали в качестве флагштока саморазворачивающуюся десятиметровую антенну от разведывательного скаера, поэтому развевающийся красный лоскут был заметен издалика.

Возле палатки за складным столиком на сломанном стуле сидел угрюмый брюнетистый лейтенант-вэкаэсник с потухшими погонами и нашивками штурманской группы. Он устало выговаривал сгрудившимся вокруг разноплеменным колонистам:

– Сперва раненые. Сколько раз повторять! Раненые, детишки и старики. Остальные добывают пайки самостоятельно. Если кого заметим в мародерстве, то по закону военного времени...

– Нет, командир, ты должен еду дать! Вы нас сюда привезли, землю обещали. Семена обещали. Машины обещали. Ничего нету – еду давай! – заседали на лейтенанта восточные люди, одетые как персонажи сказок Шахерезады.

Мы подошли ближе. Вэкаэсник заметил нас и встал:

– О, визуальщик! Здорово, сержант. Как фамилия?

– Елисеев. Меня прислала майор Морозова.

– Будем знакомы. Лейтенант Чернышов. Никита.

– Клим.

Я пожал сухую твердую ладонь. Чернышов указал на стул:

– Садись, будешь дежурным. Сюда скоро начнут сухпай приносить, займешься распределением. Выдавать только раненым, матерям с детьми и старикам. Справишься?

– Постараюсь...

– Имей в виду: ты – власть. Так что поостороже. Ну все, я к модулю.

– Погоди, лейтенант! наших, ну визуальщиков, много выжило?

– Ты первый, сержант. Других я не видел.

И он ушел, даже не взглянув на переминавшихся в сторонке просителей.

– Начальник, я тоже побег. На вот, – Миха шмыгнул носом, воровато оглянулся и сунул мне в руку самодельный – когда только успел? – нож с обмотанной проводом рукояткой.

Едва только его желтая куртка скрылась за палаткой, как колонисты навалились на меня:

– Еду давай! Давай еду, командир! Людям кушать надо!

Наверное, нужно было сказать им какие-то правильные слова о сложной ситуации, о временных трудностях, о погибших и раненых, но, во-первых, я никудышный оратор, а во-вторых, стимулятор все еще действовал, побуждая к поступкам резким и необдуманным.

Я вскочил и шарахнул костылем по столу, расколов белый пластик.

– М-а-алчать!! Пошли вон, дармоеды! Кто не работает – тот не ест. Все!

Наверное, мои вопли произвели на колонистов чересчур сильное впечатление, особенно на фоне усталого ворчания Чернышова. Люди отшатнулись, многие нахмурились. Посоветовавшись, они выслали ко мне усатого афганца в сером халате и грязной чалме.

– Нехорошо кричишь, командир! – сказал он, с опаской поглядывая на костыль. – Катастрофа была? Была. Помощь людям нужно давать? Нужно. На Земле всегда так делают. Закон.

– Тебя как звать?

– Рахматулло. Я старший. Нас тут сто двадцать семей из Кандагара...

– Так вот, послушай сам, Рахматулло, и передай всем: кроме сухих пайков, другой еды у нас нет. И не будет, пока не придет помощь. Пайки надо искать самим, возле модуля, в завалах. Идите и ищите. Если через минуту вы не уйдете, я вас арестую и расстреляю как саботажников. По законам военного времени. Понял?

– Э, нехорошо, командир... – забормотал Рахматулло, отошел к своим, и после коротких переговоров вся компания удалилась, недобро зыря на меня глазами.

– Расстреляю... – вслух повторил я, поднял костыль, прицелился им вслед и сказал: – Пух-пух!

И тут точно отрубил – перестал действовать стимулятор. Боль скрутила меня, буквально свалив со стула на каменистую землю. Сцепив зубы, чтобы не заорать, я нашарил в кармане комбинезона шприц-ампулу с комплексом номер три и вколол себе в бедро. Последнее, что я

увидел перед тем, как потерять сознание, – развевающийся красный вымпел в высоком бирюзовом небе...

Очнулся я в сумерках. Эос уже укатилась за горизонт, окрасив облака в оранжевые тона.

Пришлось вколоть себе еще дозу стимулятора. Ногу вскоре сковало холодом, боль отступила. Что ж, пока будем держаться вот так, на допинге, а там посмотрим...

Начали подходить люди, многие издали здоровались; большинство было одето в национальные костюмы. Я в тот момент ощутил себя точно в этнографическом заповеднике. Постепенно собирались и вэкаэсники, все больше младший технический персонал, те, кто в момент катастрофы находился на своих рабочих местах, разбросанных по всему модулю. Многие оказались ранены, кто-то был явно не в себе, причем проявлялось это по-разному – и агрессивной возбужденностью, и глубоким ступором.

Когда стемнело, подошла большая группа желторобников с факелами, среди которых я увидел своего одноглазого знакомого Лускуса. Он как-то очень органично взял на себя роль старшего – распорядился развести костры, устроить из камней и кусков обшивки модуля импровизированные скамьи.

Наконец во главе отряда экипажников «Руси» появилась Акка, устало сказала:

– Рассаживайтесь, господа. Разговор будет долгим, а в ногах правды нет.

Собравшиеся принялись занимать скамьи, стараясь разместиться по принципу «свои со своими». Если смотреть от стола, за который сели Акка, Чернышов и еще несколько офицеров, то всю левую часть площадки, ограниченной большими кострами, заняли желторобники. По центру сели бедуины, монголы, греки, сирийцы, афганцы, бородатые шотландцы, не менее бородатые сибиряки и какие-то уж совсем экзотически одетые личности – в розовых балахонах, в тюрбанах, а то и просто с бритыми наголо головами. Правый фланг заняли вэкаэсники. Здесь, на пыльном камне, вытянув ногу и отложив в сторону костыль, примостился и я.

Дождавшись относительной тишины, Акка встала и коротко сообщила всем присутствующим, что, согласно Уставу Военно-Космических сил, в чрезвычайной ситуации она, как старший по званию офицер, приняла на себя обязанности военного коменданта колонии.

– Па-азвольте! – перебил ее грузный носатый мужчина в комбинезоне Корпуса спасения. – Если я правильно понимаю, вы намерены узурпировать власть? Но мы летели сюда вовсе не для того, чтобы оказаться в концентрационном лагере...

Он вскочил и обвел взглядом собравшихся:

– Правильно я говорю?!

Ему ответил нестройный гул голосов. Воодушевленный, он продолжил:

– Прежде всего нужно создать нормальные, демократические институты власти нашей колонии! Провести свободные выборы, распределить полномочия...

– Прежде всего, – голос Акки зазвенел, – мы должны спасти тех, кого еще можно спасти! У нас тысячи раненых, тысячи голодных детей и стариков. Сядьте, сейчас не время для дискуссий о политическом устройстве колонии. Нравится это кому-то или нет, но мы – на военном положении. Точка!

– Люди! – голос носатого сорвался на высокие ноты. – Вы видите, что происходит?! Эта дамочка...

– Как ваша фамилия? – рявкнула Акка.

– А? Э-э-э... – носатый растерялся.

И тут поднялся широкоплечий бородатый сибиряк в вышитой рубахе. Положив тяжелую руку на плечо носатого, он почти силой усадил его на скамью.

– Присядь-ка, уважаемый. Криком тут ничего не решишь. Меня зовут Прохор Лапин...

– Про Беловодское царство слыхал? – раздался у меня над ухом голос Лускуса. Одноглазый невесть как оказался у меня за спиной и выступил в роли комментатора. – Сослали их

оттуда, из Сибири, с семьями вместе. Лапин у наших беловодцев за старшего. Мы с ним на пересылке в кратере Архимеда познакомились. Дельный мужик.

Бородач между тем продолжил густым, внушительным басом:

– Мы тут с народом переговорили... В общем, правильно госпожа майор все делает. Энергии нету, связи нету, не работает ничего. Если мы еще и глотки драть начнем, кто за, кто против, – дело швах.

Жилистый старик с крючковатым носом, закутанный в белый бурнус, проскрипел, не вставая с места:

– Людей кормить, лечить надо. Кто все будет делать? Не надо выборов.

– Бедуинский шейх. Как зовут – не знаю, но в авторитете он у своих, – сообщил мне Лускус.

– Во-во, правильные слова, уважаемый! – Лапин чуть поклонился старику и получил в ответ такой же сдержанный поклон.

– Я так понимаю, вопрос с легитимностью действия Устава ВКС решен? – с ледяным спокойствием поинтересовалась Акка, внимательно обведя глазами собравшихся. – Или есть еще желающие помолоть языками? Давайте, давайте. Пусть умирают раненые, пусть плачут голодные дети...

– Все, все! – Лапин поднял руки и сел.

Главы диаспор перешептывались, сдержанно гудели желторобники, но в целом было видно, что люди поняли, осознали – сейчас не до прений.

Акка еще раз назвала приоритетные направления, по которым нужно срочно принимать меры: помощь раненым, организация карантинно-санитарной службы, продовольственная безопасность колонии.

– Поскольку данные по колонистам нам в настоящий момент недоступны, создается комиссия по кадрам, главой назначаю лейтенанта Чернышова. – Голос Акки звенел над притихшими людьми. – Задача комиссии: в самые сжатые сроки, сегодня-завтра, найти медиков и представителей смежных профессий. Это первое. Второе: организация госпиталя. Ответственный...

Она поискала глазами, нашла среди взкаэсников крупную брюнетку с широким лицом:

– Изольда Ивановна, займитесь. На вас же санитария. В помощники берите всех, кого считаете нужным. Теперь третье: продукты и вода. Мы в настоящий момент имеем пяти-семидневный запас сухих пайков. Необходимо срочно принять меры по изысканию иных источников продовольствия, вплоть до местной флоры и фауны. Иначе – голод. Господин Лапин, думаю, это дело как раз по вам...

– Сделаем... – прогудел с места сибиряк.

– По размещению людей: погодные условия пока позволяют нам обойтись палатками и навесами. Я надеюсь, что главы диаспор возьмут это на себя, да? Если будут возникать конфликтные ситуации, то... Гриша, Панкратов!

Вскочил молодой курносый парень, блеснул улыбкой.

– То по всем вопросам – вот к нему. Да, и неплохо бы провести перепись. Это, конечно, не горит, но сделать надо. Сержант Елисеев!

Я, не успев удивиться, приподнялся со своего камня:

– Здесь!

– Переписью займетесь вы. Думаю – справитесь. И, наконец, еще одно: рабочая сила. Кто представляет Корпус спасения?

Возникло замешательство. Давешний носатый говорун-демократ втянул голову в плечи, остальные корпусники, выделявшиеся серебристыми комбинезонами, недоуменно переглядывались.

Акка кивнула.

– Стало быть, старших нет. В таком случае весь Корпус объявляется временно мобилизованным.

– Домина Анна! – вдруг подал из-за моей спины голос Лускус. – Позвольте два слова!

Нахмурившись, Акка снова кивнула.

– Я – Лускус, ребята вон... – одноглазый кивнул на желторобников, – меня знают. Вот чего хочу сказать: мы тут бригады сформировали, пока суд да дело. Добровольные. Добры то есть. Завалы разбираем, людей вытаскиваем, в общем – работаем. Предлагаю это дело узаконить. Как говорится, все способные держать оружие – милости просим к нам. Готовы работать на благо колонии. Единственное условие – каждый доброволец должен получать пайку и ночлег. Годится?

– Инициатива снизу, – изогнула бровь Акка. – Что ж, похвально и очень своевременно. Вы... Лускус, да? Вы назначаетесь командиром добровольных бригад колонии. Ваши условия будут выполнены. Но нам надо знать, сколько у вас людей.

Одноглазый замаялся.

– Пока, на глазок, тысячи полторы, но уверен – к следующему Соколу будет много больше.

– Соколу? – удивилась Акка.

– Совету колонии, – Лускус широким жестом обвел собравшихся.

– Что ж, пусть будет Сокол. А теперь – вопросы, жалобы, предложения? Может, тут есть люди, специалисты, которые готовы предложить свои знания и умения на пользу колонии?

Все зашумели, заговорили. Поднялся пожилой невысокий мужчина с всклокоченными седыми волосами и живыми, блестящими глазами. Одет он был в желтые штаны заключенного, но вместо рубы его худые плечи покрывала черная куртка техника, явно чужая.

– Извините, меня зовут Желтовский. Петр Янович Желтовский. Когда-то там... в общем, я социолог, доктор социологии. У меня один вопрос... Когда придет помощь? Неужели Земля нас бросила?

И сразу стало тихо, так тихо, как бывает перед бурей.

Акка уперла сжатые кулаки в расколотый пластик столешницы, помолчала и негромко сказала:

– Мы не знаем, когда точно придет помощь. Но мы точно знаем, что она придет. Все, другого ответа у меня нет и не будет. И еще: я хочу, чтобы каждый из колонистов, каждый из выживших хорошо понимал – помощь помощью, но это теперь ваша... наша планета. Мы сами – сила, мы сами – Земля. И откуда не прилетят спасатели, поможем себе сами.

– Я понял, – прошептал Желтовский. – Почту за честь быть полезным колонии.

– Ай да домина Анна! – крикнул Лускус. – Сейчас добровольцы толпой повалят...

И точно: один за другим вставали люди, в основном из желторобников, называли себя и предлагали свои услуги. Мне больше других запомнились рыжеватый короткостриженный немец по имени Зигфрид Шерхель, могучий, высоченный индус с длинным именем Минхас Багика Синкх, обладатель холеных усов сириец Мелех Хаддам и усталая женщина с длинными косами, уложенными вокруг ушей, – Гульнара Набиева. Последняя оказалась детским врачом, и это известие очень обрадовало всех.

Гульнара начала было путано объяснять, за что она попала в лагерь, но Акка коротким жестом остановила ее:

– Это не важно, госпожа Набиева. Давайте оставим прошлое – прошлому. Возможно, когда-нибудь у нас появится время и желание вспоминать, но только не сейчас.

– Что-то наши мутнокруты помалкивают, – пробормотал себе под нос Лускус и, уже обращаясь ко мне, сказал: – Ты, браток, если чего, за костыль сразу хватайся и лупи всех без разбору, а то затопчут тебя...

– В смысле – «если чего»? – Я повернулся и удивленно вытаращился на одноглазого. Действие стимулятора заканчивалось, и соображал я туговато.

– А ты думаешь, эта кодла, – Лускус кивнул на плотную группу желторобников, скучковавшуюся в самом углу площадки, у одного из костров, – просто так сюда приперлась? Не, будет буча. Вот увидишь – будет.

Наверное, он знал в тот момент гораздо больше, чем все остальные. Иначе как объяснить такую уверенность? Впрочем, лучше расскажу обо всем по порядку.

Когда все основные вопросы были решены и протиснувшиеся к столу Акки люди, назначенные старшими по своим направлениям, принялись обсуждать детали; когда Лускус начал договариваться с бедуинами, афганцами и монголами о том, сколько людей они выделяют в добры; когда назначенный Аккой секретарем Иеремия Борчик закончил стенограмму и начал складывать свои бумаги; когда Прохор Лапин решил закончить спор с Желтовским о том, можно ли пить местную воду, простым и действенным способом – доказать на себе; когда я почувствовал, что вновь соскальзываю в горячечный омут...

– А какого хера?! – заорали на разные голоса те самые, до поры молчавшие желторобники и ринулись через толпу к Акке, бесцеремонно расталкивая встречных. Сгрудившись напротив стола, они выпихнули вперед короткостриженого крепыша с тяжелой челюстью и маленькими глазками под низким лбом.

– Слышь, майорша, – нагло выкрикнул он. – А ты не много на себя взяла, а? Вот мы с корешами – не жела-а-аем, слышь, не хотим в ваши добры-херобры. И плевали мы на твои приказы. Ну, че молчишь? Че ты можешь? Кто за тобой стоит, а? Эти саксаулы? Барбудосы сдвинутые? Мы – сами по себе, мы...

– Фамилия! – резко выдохнула Акка, и я увидел, как глаза ее налились холодным бешенством.

– Па-ашла ты! – хохотнул желторобник.

– Колониста по фамилии «Па-ашла ты» – расстрелять! – рявкнула Акка так, что крепыш невольно отшатнулся.

Это, наверное, был момент истины. Точка невозврата и точка отсчета для многих и многих людей. Повисла такая осязаемо плотная тишина, что мне пришлось изо всех сил упереться руками в камень, на котором я сидел, чтобы не упасть.

Вэкаэсники окружили Акку, встав напротив лагерников. Я заметил Лускуса, с кошачьей грацией пробирающегося сквозь опешивших колонистов. И тут тот самый носатый демократ разрядил обстановку, удивленно спросив:

– Как же вы его расстреляете? Оружие-то не работает...

Желторобники переглянулись и начали улыбаться.

– Я – Фист, – ощерил зубы крепыш, поднимая руку. Венчавший ее сжатый кулак и впрямь был достоин того, чтобы в его честь прозвали и самого человека.

– Тогда – повесить, – уже спокойно приговорила Акка, – Чернышов, Панкратов – выполнять.

И повернулась к Кулаку-Фисту спиной...

Сейчас я думаю, что она все просчитала и сделала это нарочно, но тогда мне показалось, что Акка совершила непоправимую ошибку – зверям нельзя показывать спину!

Фист бросился на нее, за ним рванулись остальные. Чернышов, опрокинув стол, встал у них на пути, вэкаэсники и колонисты навалились на желторобников. Возникла свалка – крики, ругань, звуки ударов... И вдруг все закончилось. Люди расступились, и в колеблющемся свете костров я увидел на земле два тела – скрючившийся, стригущий ногами Фист и носатый с неестественно вывернутой головой.

Акка наклонилась над ними, провела рукой, выпрямилась – на ее пальцах была кровь.

– Ножом, ножом! – возбужденно заговорили в толпе. – Их убили!

– Вы видите эту кровь? – спросила Акка у приятелей Фиста, которых удерживало множество рук. – Я надеюсь, что это будет последняя кровь на Медее, пролитая нами. Если вы хотите жить по своим лагерным законам – идите и живите. Но так, чтобы никто из колонистов никогда – вы слышите? – никогда не смог пожаловаться на вас, иначе кара будет жестокой. Все понятно? Отпустите их.

– А может, добавить для верности? – пробасил Прохор Лапин, поднося к носу одного из желторобников не менее увесистый, чем у покойного, кулак.

– Отставить, Лапин! Будем считать, что мы заключили соглашение. Всё, все свободны. Надо работать, время, увы, не за нас...

Желторобники ушли. Я вдруг понял, что все это время находился в страшном напряжении и только сейчас смог чуть-чуть расслабиться. Снова разболелась нога, в ушах зазвенело, все тело сделалось ватным, непослушным...

– Э-э, браток, да ты опять поплыл! – ко мне подошел Лускус, поддержал, а то бы я грохнулся навзничь, крикнул кому-то в темноту: – Мужики, мужики, вот этого – несите к раненым, теперь там есть кому за ним присмотреть.

Меня подняли, но краем глаза я заметил, что рукав одноглазого испачкан чем-то красным. Тогда до меня сразу не дошло, что это кровь...

И еще: когда колонисты расходились, я услышал, как кто-то из вэкаэсников спросил:

– Никита, а ты и вправду готов был повесить этого... ну, уголовника?

– Я был готов выполнить приказ, – сухо ответил невидимый мне Чернышов. На несколько секунд воцарилось молчание, а потом его же голос добавил: – В этом бардаке должен быть хоть какой-то порядок. И он – будет.

3 сентября 2204 года

Мне очень плохо. Нога воспалилась и болит нестерпимо, помогает только стимулятор. Когда его действие заканчивается, боль наваливается с новой силой. Я очень ослаб, руки дрожат, пишу с трудом.

Ампулы комплекса номер три в дефиците, их берегут для тяжелораненых, остальным, как и мне, колют обезболивающее из полевых аптечек планетарных разведчиков. В общем-то это правильно, мы ведь как бы пострадавшие на поле боя, и вот-вот придет помощь. Вот-вот...

Я лежу под навесом, сооруженным неподалеку от штабной палатки. Тут у нас что-то вроде госпиталя. Раненых очень много, тысячи. Люди стонут, кричат. Врачей, кроме Изольды Ивановны и Гульнары Набиевой, практически нет, за нами ухаживают те из вэкаэсников, кто прошел спецкурс оказания первой помощи. Многие из них тоже пострадали в момент катастрофы, но их ранения не такие тяжелые. Остальные участвуют в разборе завалов и спасении тех, кого еще можно спасти.

Раненые прибывают каждый час. Большинство без сознания. И каждый же час специальная команда, сформированная Лускусом из своих, желторобников, уносит тела умерших. Могилы копать нечем, и тела сбрасывают с Обрыва.

Все разговоры только об одном – где же спасатели? Короткими ночами тысячи людей не спят, следя за звездным небом. Однако после непонятных перемещений неких объектов на орбите, замеченных позапрошлой ночью, никаких иных новостей нет. Среди раненых все более утверждается мнение, что в окрестностях Медеи земные корабли отсутствуют. Это означает лишь одно – грейты вытеснили наш флот из этого сектора, и наверняка их транспорты уже высадили на поверхность своих колонистов. Если это правда, то можно ждать нападения в любой момент, хотя для тяжелораненых и это – выход, грейты наверняка окажут им помощь, не оставят же они людей умирать?

Впрочем, некоторые считают, что нас попросту бросили. Измученные люди ведут бесконечные споры, доходящие чуть не до драк, и только появление санитаров-добровцев останавливает эти отчаянные стычки.

Сегодня ближе к вечеру заходил Лускус. Он изменился. Из речи исчезли сленговые словечки, он обрел уверенность и даже некоторую властность. Я так понимаю, что одноглазый благодаря своему авторитету среди заключенных и незаурядным организаторским способностям фактически стал одним из лидеров колонии.

Лускус рассказал о формировании добровольческих бригад, которые денно и нощно работают на развалинах модуля.

– Там все вперемешку: и зэчье, и колонисты, и молодежь из Корпуса, и экипажники. Утром добровцы поймали несколько мародеров – собирали личные вещи, шарили по ячейкам гипонсума. Помешать не успел – всех сбросили с Обрыва. Такие дела, браток...

Я криво улыбаюсь в ответ. За прошедшие дни худо-бедно я составил для себя психологический портрет одноглазого. «Помешать не успел» туда монтируется плохо, а вот «мог помешать, но не захотел» – это как раз в его стиле. Станный человек. Хитрый. Умный. Опасный. И при этом я фактически обязан ему жизнью.

4 сентября 2204 года

Из-за стимуляторов явь и бред смешались в моем сознании настолько, что временами я не понимаю, сплю или бодрствую. В какой-то момент обнаружил себя стоящим на крепостной стене. Снизу по приставленным лестницам лезут косорылые уроды, закованные в сталь, с мечами и копьями. Повсюду пожары, дым застилает низкое небо. У меня в руке здоровенный боевой топор. Вокруг кипит сражение, лязг металла, крики и стоны доносятся со всех сторон. Я, как заведенный, рублю врагов и в какой-то момент чувствую, как один из косорылых хватает меня за ногу. У него вместо пальцев кривые когти, и он вонзает их мне в колено. Не задумываясь, заносу топор и отрубаю собственную ногу вместе с вцепившимся в нее врагом. Не падаю, продолжаю стоять и тупо наблюдаю, как из обрубка вместо крови вытекает бурая слизь. И только тут понимаю, что на самом деле я лежу на земле под навесом, а все остальное – плод воображения, подстегнутого боевой химией.

Видения повторяются с пугающей периодичностью. Мне видятся то чугунные псы с блестящими нержавеющей зубами, грызущие мою ногу, то ожившие тропические лианы, оплетающие ее и вонзающие в кожу кривые шипы, то какие-то пыточных дел мастера в кожаных фартуках, разрезающие мою плоть ножами и набивающие в раны толченное стекло...

Выплыв из очередного кошмара, я позвал санитара и твердо заявил: все, больше никаких стимуляторов! Тот – молодой белобрысый парнишка, рядовой службы технического контроля – попытался уговорить меня потерпеть, мол, не сегодня-завтра появятся спасатели, и мне окажут квалифицированную помощь, надо только дождаться. Но я, от слабости еле шевелящий губами, послал его вместе с его умозаклечениями к гребаной матери. Конечно, когда я попаду в руки профессиональных медиков, они и ногу вылечат в два счета, и кровь почистят, и нервную систему регенерируют, и голову подправят. Но почему-то мне в это верится все меньше и меньше...

Неожиданно нарисовался полузабытый человек Миха. Присел возле меня на корточки, шмыгнул, пошевелил своим чудным, резиновым лицом и сказал:

– По нашей тусе полоса прорубилась. Половина в добры уокернулась, половина автономкой лайфать решила. На, бонус тебе от Лускуса. Тока не свети...

И, сунув мне две трубочки комплекса номер три, Миха исчез, точно его и не было.

6 сентября 2204 года

Без стимуляторов очень плохо. Очень. У меня кровоточат десны – наверное, я слишком сильно сжимаю зубы, терпя боль. Изольда Ивановна, на «Руси» входившая в карантинную службу в чине мичмана, а сейчас ставшая по сути главврачом нашего госпиталя, полчаса уговаривала меня принять стимулятор, пугая болевым шоком и необратимыми изменениями в организме. Посылать ее я, конечно же, не стал, но отказался наотрез.

А еще я отдал ей принесенные Михой шприц-ампулы с комплексом номер три. Рука не поднялась вколоть это себе, когда вокруг сотни тех, кому комплекс номер три не просто нужнее, а может реально спасти жизнь.

Кажется, у меня температура. Колено теперь болит по-другому. Его не рвет, не режет, а как будто давит, и временами мне кажется, что под повязкой упруго бьется второе сердце.

Снова приходила Изольда Ивановна, а с ней какая-то гражданская тетушка из колонистов, кажется, арабка. Они сняли повязку и осмотрели ногу. Странно – я думал, что от боли взвою, ан нет, практически ничего не почувствовал. Арабка, до глаз замотанная в хиджаб, сокрушенно покачала головой. Дела мои, как неожиданно выяснилось, совсем плохи – прозвучало страшное слово «сепсис».

Вечером, при свете заходящей Эос, мне сделали операцию – почистили колено. Ради такого дела пришлось разрешить вколоть обезболивающее. Правда, все равно было так больно, что меня держали трое санитаров.

Арабку в хиджабе зовут Фейрюза. Она когда-то в молодости закончила ветеринарные курсы и теперь помогает нашим самодеятельным врачам. Говорит, что еще немного – и мне пришлось бы отрезать ногу. Гноя, говорит, вышло пол-литра. Но прогноз, говорит, благоприятный. Что ж, спасибо тебе, Фейрюза-ханум. Без ноги мне было бы жить весьма затруднительно, нога – не палец, регенерации не подлежит.

8 сентября 2204 года

Первая ночь на Медее, которую я проспал целиком, без бреда наяву, без пробуждений от боли, без жутких сновидений, всю, до самого утра. Нога заживает. Побаливает, конечно, но заживает. Правда, Изольда Ивановна говорит, что колено вряд ли будет нормально сгибаться, нужно потом, на Земле, пройти курс ортопедической терапии, ну да это уже мелочи.

Завалы вокруг модуля разобраны. Живых больше уже не ищут – бессмысленно. Погода по-прежнему стоит теплая и ясная, но на всякий случай Сокол отдал добровцам распоряжение строить хижины и навесы, в первую очередь для колонистов с детьми. С Земли новостей никаких. Забыла о нас Земля. Или, что гораздо вероятнее, ей не до нас. И это пугает еще больше. Что могло случиться такого, чтобы в двадцать третьем веке люди забыли о без малого миллионе попавших в беду сопланетников? Что?

А еще утром пришла Акка. Комендант колонии, майор ВКС Анна Морозова. Села рядом, взяла мою руку, погладила. Я спросил:

– Как дела, Аня?

Она в ответ промолчала, только сжала губы. Ну еще бы, разве ж она когда пожалуется?! Как там Лускус сказал – «айрон-мейден»? Точно – она, железная дева. Домина Анна.

Если честно, то выглядит Акка не очень. Устала она до крайности, в глазах лед, вокруг – морщинки. Так ничего и не сказала, только на прощание улыбнулась:

– Выздоровливай скорее, Клим.

Больше сегодня ничего писать не буду...

11 сентября 2204 года

Выполз на свет божий, опираясь все на тот же костыль, что смастерил в самом начале для меня Лускус. Голова кружится, ноги не держат, но все равно как приятно вновь стать прямоходящим!

Пейзаж вокруг разительно переменялся. Громада модуля выглядит теперь несколько иначе. Биопласт весь вытек, оставив после себя большие разноцветные гниющие лужи, и добровцы взялись за обшивку. Повсюду, насколько хватает глаз – хижины, хижины, хижины, выстроенные из листов этой самой обшивки. Горят костры, суетятся женщины, бегают детишки, греются в лучах солнца, точнее, Эос, старики.

Над плоскогорьем стоит зловоние – биопласт разлагается, отравляя воздух вокруг. К мерзкому запаху тлена примешивается гарь от костров, пряные ароматы цветущих трав и вонь фекалий. Наверное, так пахло в поселениях людей древности.

Река теперь жестко разделена на участки. Там, где она выходит из леса, отгорожена проходами питьевая зона. Ниже по течению – детский участок для купания, еще ниже – купальни для взрослых. Ну, а на излучине отведено место для сброса нечистот и по берегам выстроены многочисленные общественные уборные. Справлять нужду в иных местах колонистам строго запрещено. Конечно, так не экологично, но, с другой стороны, если бы не река, мы бы уже погрязли в собственных нечистотах, а это гарантированная эпидемия.

В лесу раздается стук топоров дровосеков – колонии нужно топливо для костров и жерди для строительства каркасов хижин. В качестве орудий лесорубы используют любые мало-мальски подходящие железки, затачивая их о камни.

Лускус, пришедший меня проведать, рассказал, что здешний лес очень похож на земной где-нибудь в предгорьях Кавказа. Деревья в основном двух типов – одни довольно высокие и кряжистые, с твердой красноватой древесиной и бурыми ланцетообразными иглами вместо листьев, их называют каменными соснами; другие имеют более тонкие стволы, разлапистые, с мелкой кучерявой листвой на концах ветки. Они образуют труднопроходимые заросли, и лесорубы прозвали их плетунами. Кроме того, всюду довольно густой подлесок, состоящий из высокой жесткой травы и кустарников.

Живности в лесу мало, и все больше мелкая. Однажды подростки, устроившие экспедицию в глубь зарослей, наткнулись на здоровенного – метра четыре в длину – неповоротливого зверя, похожего на ящера, по крайней мере, он был покрыт чешуей. Слава богу, тварь оказалась травоядной, никаких агрессивных намерений не выказала, дала на себя посмотреть и скрылась в чаще.

Длиннокрылые птицы, стаи которых в первые дни кружили над модулем, оказались падальщиками. За цвет оперения и пронзительные крики колонисты прозвали их черными чайками. Сейчас они пируют внизу, под Обрывом, поедая тела погибших. Это ужасно, но монголы, для которых такой вид погребения привычен, успокаивают людей.

Еще один момент, о котором нельзя не упомянуть, – мы обрастаем. Лица мужчин покрываются щетиной, а кое у кого уже отросли приличные бороды. Некоторые пытаются бриться, используя самодельные опасные бритвы, а большинство ходит как есть. И если поглядеть со стороны на полуголых, сверкающих от пота бородатых добровцев, тащащих гурьбой какую-нибудь балку от модуля, вспоминается античная история – рабы, пирамиды, улыбка Сфинкса...

На этом, собственно, и заканчивается мой рассказ о тех страшных днях. Я постарался уйти от эмоций и изложить события максимально достоверно и точно. Однако даже сейчас, по прошествии времени, пережитое тогда прорывается наружу сквозь время, которое все лечит, и сквозь те роговые наросты объективного цинизма, что украшают сегодня мою душу.

Я сознательно не стал описывать, как на моих глазах люди сходили с ума, как взрослые, сильные мужчины рыдали, точно дети, над телами своих близких, как умирали от боли и кровопотери раненые.

Но один случай врезался в память навечно. Среди тысяч и тысяч тех, кто разыскивал своих родных и друзей, мне запомнилась совсем юная, лет восемнадцати, девчушка.

Тоненькая фигурка в серебристом комбинезоне Корпуса спасения, совсем детское личико, рыжее пламя волос. Она металась меж завалов, переворачивала трупы, заглядывала в лица выживших и все повторяла:

– Харви, Харви...

Вечером второго дня она нашла Харви. Бронированная дверь отсека разрубила его пополам, и надо думать, что умер он быстро, без мучений.

Она не плакала, нет. Обняла то, что осталось от парня, я имею в виду – верхнюю часть, и пошла. А дойдя до Обрыва, вдруг взвизгнула:

– Харви!!!

И бросилась вниз, прямо в пылающий закат...

24 сентября 2204 года

Группа Прохора Лапина еще до рассвета ушла за Перевал. Так мы называем седловину между двух невысоких гор, отделяющую плоскогорье от равнины на западе.

Мы с Лускусом сидели возле штабной палатки и распределяли участки работы добров по разбору корпуса модуля. Вокруг толпился народ, было шумно. Акка и остальные члены Сокола занимались устройством матерей с маленькими детьми во временных жилищах, построенных на берегу реки.

Когда большинство добровцев ушли на работу, с Перевала от Мелеха Хаддама прибежал чернявый парнишка-бедуин. Он плохо говорил по-английски, и мы поняли только, что наши фуражиры вернулись и привели с собой каких-то крупных животных.

– Кушать! Ам-ам. Хорошо! – выразительно вращая глазами, кричал гонец и широко улыбался.

– Рахматулло! – заорал Лускус, вытянув шею. – Собирай своих камикадзов, мясо идет. Вскоре появился Прохор Лапин, усталый, но веселый.

– Слыхали уже? – вместо приветствия спросил он. – Скотину привели. Здоровые, мохнатые. Но смиренные, непуганые. Прыгают смешно, как беременные зайцы – шлеп, шлеп. Мужики их на опушку погнали, где вырубки. Загоны надо делать.

Пока мы шли вдоль края леса, Прохор рассказал о виденном за Перевалом.

– Там равнина, огромная – ни конца ни края. На горизонте горы. Трава разная – красноватая, волокнистая, с синими цветочками, во-от такая, по пояс. Бурьян. И зверей, прыгунов этих, видимо-невидимо. Тысячи.

– Раз травоядные есть, должны быть и хищники, – заметил Лускус.

– Ясное дело, – хмыкнул в бороду Лапин. – Смотрели мы. Искали. Но никого не видели. И следов эта... ну, там, где местные львы и тигры жрали кого-нибудь, – тоже нет. Одно прыгунье дерьмо...

Лускус хотел было что-то возразить сибиряку по поводу тщательности поисков, но сдержался – Прохор не любил, когда его критиковали.

Живые трофеи мы увидели издали – три десятка толстых мохнатых зверей с горбатыми спинами, длинными ушами, тупоносыми мордами и мощными задними лапами сбились в кучу, а вокруг лапинцы и лесорубы спешно возводили изгородь из сучьев и жердей.

– Кра-асавцы, – усмехнулся Лускус и принялся организовывать костер для варки мяса.

Я подошел к прыгунам, прикинул вес. Если их мясо похоже на говядину, то каждый зверь тянул как минимум на триста пятьдесят килограммов. «Интересно, будут ли они размножаться в неволе?» – скользнула мысль, но я тут же отогнал ее. Какая неволя, не сегодня-завтра придут корабли со спасателями, и проблема нехватки пищи станет неактуальной. Впрочем, тут же я вспомнил, что в будущем прыгуны вполне могут стать местным аналогом крупного рогатого скота, и для меня это важно, если я планирую стать фермером.

«Ты останешься, а она улетит», – сказал мне внутренний голос. «Я останусь, а она улетит, – повторил я. – Буду разводить прыгунов, пахать землю и по вечерам перечитывать свой дневник».

Что ж ты делаешь со мной, Акка? Или – что я сам делаю с собой? Вроде все прошло, большем поросло, ветром развеяло. Нет, все равно щемит в груди, все равно болит сердце...

От грустных мыслей меня отвлек Рахматулло, появившийся на поляне во главе двух десятков «камикадзе», все больше афганцев и бедуинов. Привычные к скотине кандагарские дехкане и аравийские пастухи бесстрашно полезли в самую гущу прыгунов, возбужденно переговариваясь и цокая языками. Вскоре они вывели из загона толстого вислоухого прыгуна, набросив ему на шею веревку.

– Как резать, сэр? – Рахматулло, поигрывая заточенной полоской стали, кивнул на сопящего прыгуна. – Где сердце – не знаем, может, в животе. Горло будем резать, да?

– Иначе никак, – ответил я, и вспомнив виденный в детстве закол поросенка, добавил: – Надо бы плафон подставить – кровь собрать.

– Сделаем! – афганец хищно оскалился и поспешил к забойщикам.

Предназначенного для заклания прыгуна отвели за кусты, и вскоре оттуда донесся короткий, тонкий, похожий на блеяние овцы крик. Остальные прыгуны довольно равнодушно отреагировали на предсмертный вопль своего собрата.

– Бараны, – сплюнул под ноги подошедший Лускус. – Думаю, жрать их можно. И нужно.

Когда в двух металлопластиковых ваннах, выдранных из медицинского отсека модуля, закипела вода, «камикадзе» уже закончили разделку туши. Биологически прыгун оказался вполне земным существом, с развитым желудочно-кишечным трактом, большими легкими и круглокостным скелетом. Вот только кровь у него была буро-синей и неприятно пенилась, распространяя вокруг тяжелый кислый запах.

Шкуру афганцы распялили на жердях, а бедуины, ловко орудуя своими кривыми ножами, нарежали мясо небольшими ломтями и запустили в ванны.

– Долго варить, сэр? – спросил Рахматулло, вытирая о штаны руки, перемазанные в синей крови прыгуна.

– Как говядину, – ответил я, пожав плечами. Наступал еще один момент истины. Если прыгунье мясо годится в пищу, то, судя по словам Лапина о многочисленности этих зверей за Перевалом, голод нам не грозит.

Пока варилось мясо, Прохор позвал нас поглядеть на мелких представителей местной фауны, которых его люди насбивали палками.

На куске теплоизоляционного материала лежали, скрючив лапы, десятка полтора разнообразных птиц, размерами не больше воробья. Собственно, за исключением непривычной расцветки и странноватых плоских клювов, выглядели птички вполне по-земному.

– Там еще сусликов полно. Самых натуральных, как у нас в степи под Кулундой. Если б я не знал, что это другая планета, решил бы, что мы дома, – сообщил нам Прохор. – Мы еще кишку какую-то нашли прозрачную. Глядеть будете?

«Прозрачная кишка» оказалась трехметровым существом, не имевшим ни головы, ни конечностей и напоминавшим обитателей морского дна. Лускус, присев на корточки, потыкал переливчатую гладкую поверхность пальцем. Пленка, покрывающая существо, от нажима лопнула, и из дырки полезла наружу прозрачная слизь.

– Во, блин! Дрянь какая, а? – Лускус вытер испачканный палец о траву и выпрямился. – Оно ползало, что ли?

– Нет, торчало вверх, как гриб, – ответил Лапин.

– Мама, мама, смотри, какой хрустальный червяк! – завопил кто-то из бегавших вокруг ребяташек.

– И впрямь – червяк, – хмыкнул Рахматулло. – Пойдемте, мясо сварилось.

Вечерело. Эос канула в зыбком мареве, и фантастический красно-оранжевый закат залил половину неба. В лесу посвистывали неведомые нам твари, между темными стволами стусился мрак. Над ваннами с мясом клубился пар, отблески костров освещали возбужденных людей, слышался смех.

Не знаю, что меня подтолкнуло, но я тоже отведал прыгунятины. Оказалось не просто съедобно, а даже и вкусно. Беловатое, нежное, оно напоминало телятину и не имело ожидаемого неприятного привкуса.

– Хорошее мясо! Как молодой верблюжонок! – отметил кто-то из бедуинов, орудуя ножом.

– Водки бы сейчас, и я бы оскоромился, – жутковато ощерился Лускус.

– Все, засекаем двадцать четыре часа. Ну, то есть через сутки посмотрим, что и как. Если все будет нормально, нужно отправить пять-шесть групп и устроить загоновую охоту, – я хлопнул в ладоши. – Рахматулло, оставайтесь тут, за скотиной приглядите заодно. Чуть кому плохо станет – сразу сообщите.

– Слушаюсь, сэр! – ответил из темноты афганец.

Перед сном я сходил к другой группе добровольцев, которые испытывали на себе местные плоды. Таковых на нашем плоскогорье нашлось не особо много. Длинные пузатые дыни с горьковатой мякотью, лежащие прямо на земле, какие-то стручки, растущие на плетунах, и черные, размером со сливу, но сидящие попарно на тонких ножках ягоды, названные «черными вишенками».

Контрольные поедания добровольцы провели еще вчера вечером. Те, кто пробовал стручки, маялись от поноса, отведавшие дыни и «черные вишенки» чувствовали себя хорошо. Попутно выяснилось, что дыни можно варить – от этого их мякоть становится вкуснее, исчезает горечь, а «вишенки» вкусны и в естественном виде, и годятся для компота.

26 сентября 2204 года

Название «прыгуны» прочно закрепилось за обнаруженными группой Лапина животными. Похожие на исполинских, величиной с корову, зайцев, покрытые жесткой бурой шерстью, прыгуны не умели ни быстро бегать, ни далеко прыгать. Вообще их прыжки напоминали какую-то симуляцию: подбравшись и прижав брюхо к земле, звери отталкивались широкими задними лапами и плавно переплюхивали себя на полтора-два метра вперед. «Беременные зайцы» – Прохор Лапин дал зверям очень точную характеристику.

В том районе Медеи, где мы оказались, прыгуны, по всей видимости, работали главным звеном в местной пищевой цепочке. Они удобряли степь за Перевалом, на этих удобрениях росла сочная красноватая трава, прыгуны ели траву, кто-то, без сомнения, ел их, и далее все по кругу.

Да, совсем забыл – никому из «камикадзе», включая меня, прыгунье мясо не повредило, и Акка распорядилась готовиться к большой охоте. К сожалению, я из-за негнувшегося колена принять в ней участие не мог, а потому сидел «вечным дежурным» при штабе.

От хрустального червя, проткнутого пальцем Лускуса, на утро следующего дня осталась лужица слизи, распространяющая вокруг себя запах протухшей селедки. Профессор Желтовский, который появился у загона с прыгунами только к обеду, с сожалением разглядывал эту лужицу и очень сожалел, что у него нет под рукой хотя бы простого оптического микроскопа.

Загонщики ушли утром, вооруженные всевозможными железяками для создания шума. Предполагалось, что они окружат большое стадо прыгунов и погонят его в сторону Перевала. Несколько человек из числа самых быстроногих будут идти впереди и время от времени пугать прыгунов с фронта, чтобы звери не особенно разгонялись.

Рахматулло, проникшийся к прыгунам не только гастрономической любовью, собрал почти двести человек, и они начали строить у реки большие загоны.

– Какой зверь, а? – восклицал афганец. – Мяса много, ходит медленно. Не бежит, не ревет. Рогов нет. Чудо, а не зверь. Подарок Аллаха.

С Аккой мы почти не видимся. Она, стойко неся свалившееся на нее бремя, старается успеть всюду и, как ни странно, успевает. Мне порой кажется, что Акка превратилась в какой-то автомат по оценке ситуации и принятию решений. Все ее приказы коротки и точны. Выполнения их она добивается очень жестко, за что колонисты начали Акку откровенно побаиваться, хотя после странной смерти приговоренного к казни Фиста больше высшая мера ни к кому не применялась.

Быт колонии постепенно налаживается. Модуль дает нам огромное количество строительного материала, заготовок для орудий труда и прочего. Женщины приноровились варить в осветительных плафонах суп из сухпайка, младенцев купали в выломанных полусферах обзорных иллюминаторов, из стеллажных стоек и листов обшивки умельцы делали детские кроватки, а полосы нержавеющей стали, заточенные на местных серо-зеленых камнях, выполняли роль ножей, тесаков и использовались добровцами-лесорубами в качестве пил.

– Человек может приспособиться ко всему на свете! – назидательно усмехался Лускус, наблюдая, как какая-нибудь монголка размалывает брикеты пайка, приспособив в качестве ступки выпотрошенный шлем от скафандра, а вместо пестика сжимая в смуглой руке шарнир ногоступа ремонтного робота.

Разделка модуля идет по графику. Добровцы отдирают листы обшивки, расклинивая кронштейны и выкорчевывая из пазов поперечные стойки каркаса. Отдельно складывается теплоизоляционная ткань, в три слоя покрывавшая весь модуль. Повсюду валяются горы белой термоплитки, сбитой с корпуса. Сверкающими грудями лежат уцелевшие плафоны. Бухты кабелей, мотки проводов и скрученные ленты приборных шлейфов напоминают клубки гигант-

ских разноцветных змей. Снятые двери и переборки сразу же идут на строительство навесов и хижин.

Лускус, руководивший всеми добрами, мечется внутри и снаружи модуля, орет, то и дело сам хватается за особенно крепко приваренный лист обшивки или особенно прочно сидящую в зажимах стойку.

Если бы у нас были хотя бы примитивные плазменные резак или лазерные отбойники, разборку модуля можно было бы закончить за неделю – народу хватало. Но технологии каменного века, наиболее точно охарактеризованные кем-то как: «Бей сильнее, мать твою!» – то и дело пасовали перед веком двадцать третьим.

В некоторые помещения внутри корпуса добровцы просто не смогли попасть – задраенные двери и стальные переборки наглухо отрезали эти отсеки от внешнего мира. Так, нам не удалось проникнуть в один из отделов гипносиума на третьей палубе. Кислицын предполагал, что внутри могут оказаться живые люди, которым удалось выбраться из индивидуальных ячеек. По заблокированной двери гипносиума даже били тараном, сработанным из древесного ствола, надеясь выгнуть ее внутрь, но тщетно.

– Это стандартный отсек, там спали полторы тысячи человек, – грустно сказала Акка, когда ей доложили, что дверь не поддается.

Наше счастье, что реактор находился в кормовой части и после крушения модуля остался за скалами. Если бы энергетический блок оказался здесь и был поврежден, даже страшно представить, сколько человек пострадали бы от радиации.

Разбирая модуль, мы помимо чисто технических проблем столкнулись и с психологическими. В гипносиумах осталось немало тех, кто не сумел выбраться из своих ячеек. Теперь их начавшие уже разлагаться тела плавали в зеленоватой реанимационной жидкости, и нужно было иметь немалое мужество, чтобы извлекать останки этих несчастных, по большей части пожилых людей и детей.

После обеда, оставив за себя смышленного монгола по имени Цендорж, назначенного мне в личные помощники, я отправился навестить «детский сектор» колонии. Порученная мне перепись колонистов потихоньку продвигается, листы бумаги с фамилиями я ежедневно складываю в штабной палатке и вечером пересчитываю. Труднее всего с детьми, потерявшими родителей, – оправившись от первого шока, они не сидят на месте, и воспитательницы-добровки не успевают уследить за всеми.

Кое-как переправившись через Безымянку, я доковылял до крайних хижин, сложенных из камней и закопченных листов обшивки, и без сил уселся на землю, отложив костыль.

– Здравствуй, начальник, – раздалось у меня за спиной. Обернувшись, я увидел скрюченного седого старика монгола с крохотным морщинистым личиком. Одетый в темно-зеленый стеганный халат и рыжую меховую шапку-разлетайку, он казался кукольным персонажем из восточной сказки.

– И тебе не хворать, отец! – Я неловко поклонился. – Как дела? Просьбы есть?

– Просьба нет. – Старик покачал головой. – Говорить с тобой хочу.

– Слушаю тебя, отец.

Он опустил на камень, вытащил из складок халата коротенькую трубку, сунул в беззубый проваленный рот.

– Скажи, начальник, почему тут земля такой плохой?

Я удивленно посмотрел на него.

– Меня зовут Шебше-Эдей. Я давно живу. Много разного видел. Овец пас, коней пас. По степи ездил – траву слушал, по тайге ходил – с деревьями говорил. В горах был, камни в руки брал. Везде земля живая, везде у нее свой голос есть. Тут земля молчит. Ветра нет. Небо пустое.

– Это с непривычки, отец, – сказал я ему, а сам подумал: «Нам только не хватало вот таких установок от авторитетных аксакалов внутри этнических групп».

– Нет, начальник. Привычка – это вот. – Шебше-Эдей потряс своей трубкой. – О другом говорю. Вы зверей привели. Звери большие, в степи живут. Быстро бегать должны! А они ползают, как жабы. Так не бывает. Неправильно так.

– Отец, ты пойми – это другая планета, другой мир. Тут свои законы, свои порядки и правила. – Я поднялся, собираясь двигаться дальше.

– Зря ты не слышишь меня, Клим-джал. Эта земля не говорит со мной, потому что я, мы все тут – чужие. Она хочет нам беды. Готовься сам и людей готовь.

– Спасибо, что предупредил, отец, – как можно серьезнее ответил я. – Мне пора. И тебе тоже – вон, за тобой идут.

Старик, кряхтя, поднялся:

– Это Жаргал, правнучка моя. Хорошая девушка. Тревожусь за нее – кто ей мужем станет, где жить они будут, что делать? Запомни мои слова, Клим-джал, беда будет...

Суровая монголка, недобро глянув на меня, увела трясущего жиденькой бородой Шебше-Эдея.

«Земля не говорит со мной», – повторил я слова старого монгола. Конечно, можно было списать все это на возраст, слабоумие и богатую фантазию старика, но внутри у меня точно засела заноза – будет беда, будет...

2 октября 2204 года

Еще вчера вечером обратил внимание, что из-за нагромождения скал, которые, подобно лезвию исполинского топора, разрубили наш модуль, практически перестал идти дым. Выходит, кормовая часть модуля выгорела, и вполне можно отправиться туда и разведать, нельзя ли как-то использовать то, что осталось.

На вечернем Соколе я поставил этот вопрос, и Лускус поддержал меня, хотя Акка, Чернышов и прочие были против, мол, чудовищный пожар, что бушевал там месяц с лишним, уничтожил все, а местность за гребнем может оказаться небезопасной из-за химического, радиационного и бог весть еще какого заражения.

Но я настоял на своем и в конце концов получил добро на проведение однодневной вылазки за гребень в составе группы из трех человек.

Разумеется, главой этой микроэкспедиции я тут же назначил себя, в помощники взял Цендоржа, а экспертом пригласил Петра Яновича Желтовского.

Мы вышли рано, едва ослепительный краешек Зоряной звезды выглянул из туманной дымки на северо-востоке. Накануне меня сильно начала беспокоить нога, но я твердо решил не откладывать поход. Изольда Ивановна, наложив на колено пахучую бурую мазь, настрого запретила мне физические нагрузки и приговорила к постельному режиму. Я заверил эту милейшую женщину, что выполню все в точности, но спустя пять часов уже бойко ковылял в сопровождении Цендоржа и Желтовского по направлению к скалам.

Надо сказать, что попытки проникнуть к кормовой части модуля предпринимались и ранее. Несколько раз «неприсоединившиеся» желторобники посылали туда своих шнырей, благо из их лагеря до гребня было рукой подать, да и наша неутомимая ребятня лазила на скалы, пытаясь заглянуть в источающую жирный дым котловину.

Попытки эти закончились неудачно, если не сказать – трагически. Не знаю, какова статистика у «неприсоединенцев», но мы имели троих подростков, которых угораздило вдохнуть смрадный дым, принесенный ветром из котловины. Ожоги слизистой, поражение глаз, общая интоксикация – такой оказалась цена любопытства.

Конечно, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что и мы можем столкнуться с чем-то подобным. Разнообразные грузы, хранившиеся во вместительных кормовых трюмах, были так же весьма разнообразны по химическому составу. Пластмассы различных видов, удобрения, баллоны с сжиженными газами, комплекты экипировки, машины и механизмы, аккумуляторы и накопители, строительные материалы, сырье для их производства – все это превратилось в невообразимую кашу. А если добавить к этому утечку радиации из реактора и взрыв топливохранилищ, послуживших причиной колоссальному пожару, то там создались условия для таких химических реакций, которые не сможет вообразить даже больная фантазия сумасшедшего химика.

И все же, не имея ни дозиметров, ни герметичных скафандров, мы шли на гребень. Так устроен человек – ему обязательно надо знать, что за окомом. Надо. Можно привести тысячи доводов, зачем, для чего, но самый емкий и короткий уместается в одно это слово: «надо».

Обогнув полуразобранный модуль, вокруг которого уже сустились добровцы, мы к полудню прошли примерно двенадцать километров, вплотную приблизившись к скалам. Цендорж, как самый молодой и сильный из нас, нес защитные костюмы, правда без шлемов, и флягу с водой. Желтовский прихватил с собой старинный оптический прибор, найденный в модуле и называемый бинокль, а также разнокалиберные склянки для отбора проб и образцов. Я имел в ранце лишь несколько листов бумаги для записей и костыль под мышкой.

Гребень, простирающийся к северу и югу на добрых двадцать километров, слева упирался в Обрыв, а справа уходил к заснеженным горам, плавно переходя в возвышенность, вздымающуюся у горизонта на запредельную высоту.

Перед нами же громоздились серые, довольно пологие скалы и каменистые осыпи, вполне пригодные для подъема. Поначалу мне казалось, что это будет нетрудно – взобраться туда, преодолев каких-то три сотни метров. Но уже на середине восхождения Цендорж взял меня на буксир, поминутно приговаривая:

– Держитесь, сэр! Осталось немного, сэр!

На и-линге он говорил с чудовищным акцентом, по-русски – еще хуже, и его слова звучали примерно как: «Деризитец, зэ-эр! Осталася ненога, зэ-эр!» Петр Янович пыхтел позади нас, то и дело поминая неведомого мне пса, который был «крев».

Когда наша группа наконец поднялась на вершину многоглавой скалы, покрытой сетью трещин, сил почти не осталось. Я скомандовал привал, и мы, тяжело дыша, разлеглись на нагретых камнях. Цендорж пустил по кругу флягу, потом мы погрызли энергетические брикеты из сухпая.

Чтобы перевалить гребень и заглянуть в котловину, нам оставалось пройти еще метров восемьдесят относительно чистого склона.

– Имеет смысл облачиться в защитные костюмы, господа! – сказал Желтовский, поднимаясь на ноги. – Мало ли что...

– Надо, надо одеться, сэр! – радостно закивал коротко стриженной круглой головой Цендорж, которому надоело таскать на себе тук с «заками».

В оранжевых костюмах мы стали похожи на героев детского приключенческого фильма. Некую долю комизма добавляло то, что мы не могли опустить защитные маски и загерметизировать «заки» – без электричества вся хитрая электронная начинка костюмов была совершенно бесполезна.

– Зато если вы случайно наступите в лужу серной кислоты, ваша нога не пострадает! – обнадеживающе улыбнулся Желтовский, взлохматил волосы и первым двинулся вперед.

Когда мы перевалили через гребень, Цендорж вскрикнул и отступил назад, едва не упав. Петр Янович молча покачал головой. Я хотел было удивленно присвистнуть, но тут же забыл об этом своем желании.

Под нами лежала узкая, вытянутая вдоль Обрыва долина, вся черная от копоти. Чуть в стороне, к югу от нас, гигантской футуристической скульптурой, изваянием в честь инопланетных богов, высилась корма модуля, курившаяся редкими дымками.

Покрытая толстым слоем пушистой сажки, вся в каких-то натеках, она напоминала готический собор, на который разгневанный Создатель вылил исполинскую бочку кипящей смолы.

Пространство вокруг покрывала сплошная спекшаяся корка, уходящая во все стороны на несколько километров. Это застывшее аспидно-черное озеро усеивали многометровые причудливые образования, возвышающиеся повсюду. Одни были похожи на столбы, другие – на корявые оплывшие деревья, а подлеском им служили вздувшиеся пузыри, бублы на ножках, напоминавшие жутковатые черные грибы.

– Мертвый пластмассовый лес, сотворенный джинном прогресса, вырвавшимся из-под власти человека, – несколько высокопарно произнес Желтовский.

– Чернышов говорил, что в кормовых гипносиумах размещалось около двухсот тысяч человек. – Я сел на скальный выступ, вытянул ногу. – Они все погибли в этой душегубке...

– Думаю, смерть все же была к ним милостива. – Желтовский задумчиво разглядывал пластмассовый лес внизу. – Насколько я знаю, при посадке прошла команда на пробуждение именно кормовых гипносиумов, там размещались среди прочих бойцы внутренних войск, которые должны были обеспечивать порядок при высадке. Но именно в этот момент Медея

впервые показала свой норов: произошел сбой, и сработали системы пробуждения всех гипноциумов, кроме кормовых. Таким образом мы все выжили, а они – нет.

Я сразу вспомнил подслушанный обрывок разговора на Центральном посту: хриплый голос капитана «Руси» адмирала Старыгина: «Большой, пора! Будите вэвэшников, к моменту посадки они должны...»

– Страшно... Мертвая земля... Все мертвое... – раскачиваясь, пробормотал Цендорж и зачем-то добавил: – Сэр!

– Пожалуй что можно возвращаться, – подытожил я, стараясь дышать ртом – резкая химическая вонь, смешанная с тошнотворным запахом гари, забивала нос.

– Надо будет написать на скалах предупреждение для особо любопытных. Думаю, окажись мы сейчас вон там, внизу, мы были бы уже мертвы. – Петр Янович вздохнул и двинулся вниз, удрученно качая своей лохматой седой головой.

Спуск всегда тяжелее подъема. Но одно дело – спускаться с покоренной вершины, когда в тебе живет осознание того, что ты победитель, и совсем другое – идти вниз по скалам со сломанной ногой, зная, что за спиной твоей осталась мертвая, исковерканная земля, на которой в одночасье сгорело население среднего европейского города. В какой-то момент мне показалось, что жирная сажа, покрывавшая все вокруг, покрыла и мою душу.

Дорогой, слишком дорогой ценой досталась нам Медея, но самое паскудное – еще неизвестно, досталась ли...

У подножия гребня я вновь объявил привал. Мы повалились на жесткую траву, перекусили, запили хрустящие на зубах брикеты водой и минут двадцать молча лежали, глядя в безоблачное высокое небо.

Парило. Воздух дрожал над камнями, нагретыми лучами Эос, и в какой-то момент мне показалось, что ничего не было – ни сине-бирюзового шара Медеи, ни посадки, ставшей катастрофой, ни ровных рядов погибших, накрытых полосами теплоизолянта, ни бешеных глаз Акки, ни мертвого тела Фиста...

«Конечно, это просто сон! Сон! Я на Земле, на нашей доброй старушке олд-мамми. У меня отпуск, и мы поехали на Алтай. Я подвернул ногу, лежу, отдыхаю. Сейчас я проснусь, а Левка Филимонов, дурачась, скажет: «О, вот и ихнее величество королевич Елисей соблаговолили зенки продрать! Не повелеть ли, батюшка, квасу да скоморохов?» А Костя Зыкин схватит гитару и запоеет, подыгрывая себе на балалаечный манер:

Баба сеяла горох, видит – в поле скоморох,
«Дашь напиток?» – «Как не дать!»
А потом пришлось рожать...

– Сэр! Воду пить будете, сэр?

Голос Цендоржа выдернул меня из мира грез. Я открыл глаза, и жестокая реальность обрушилась со всех сторон – я на Медее, мы потерпели крушение, мы в беде, ждем помощи и пытаемся, изо всех сил пытаемся хоть как-то помочь сами себе.

Глотнув из фляги и с трудом поднявшись на ноги, я махнул костылем – пошли, мол. И только тут понял, что у меня в ушах так и звучит гитарное брянькание. «Перегрелся. Только теплового удара мне и не хватало для полного счастья», – пронеслось в голове, но тут Желтовский поднял вверх скрюченный палец, призывая нас к тишине:

– Слышите, Клим? Цендорж, а вы? Что это? Мандолина? Банджо?

– А я уж решил, Петр Янович, что у меня того... шарики за ролики из-за жары, – я завертел головой, пытаюсь определить, откуда доносятся звуки, но сын степей Цендорж, взбежав по заросшему склону холма, призывно замахал нам рукой.

Мы поднялись наверх и наткнулись на плотные заросли местного жесткого кустарника, который рос тут повсюду. Однако наигрыш стал слышнее, а кроме того, мы различили голоса. Несколько человек негромко, но проникновенно пели хором.

Песня была на и-линге, но припев исполнялся по-русски, и оказался он таким:

И сказал Поводырь:
«Эй, глуши реактор, бля!
Бог и дьявол нас забыли.
Мы уходим с корабля!»

Я вздрогнул. Стэлмены. Только этого нам не хватало...

Оставив Цендоржа и Желтовского охранять тыл, я осторожно, стараясь не шуметь, полез через заросли. Последние метры пришлось проползти на животе. Стэлмены отличаются патологической подозрительностью к чужакам, и если бы меня заметили... Варианты тут могли быть разные, но всегда с плачевным финалом.

Раздвинув кусты, я осмотрелся. Передо мной лежала уютная ложина, этакий вполне земной, я бы даже сказал – сибирский распадочек между двумя невысокими сопками. Скрытый от посторонних глаз, распадок оказался густо заселен. У меня пропали последние сомнения – это совершенно точно были стэлмены. Наша будущая, а возможно, уже и нынешняя головная боль...

«Цирки» из прозрачной молекулярной пленки усеивали всю долину. Стэлмены, конечно же, прибыли на Медею в числе заключенных – на это указывали желтые куртки, мелькавшие повсюду. Кроме того, я вспомнил, что пару лет назад патруль накрыл стэлменовский сходняк на какой-то забытой всеми богами планетке, и сразу одиннадцать «Поводырей» попали в места не столь отдаленные. А следом за ними, как водится у этой братии, в лагерь добровольно потянулись и «люди системы» – чтобы «вращаться».

«Вот и «вращались» бы там, в Сахаре или в Гоби, – со злостью подумал я, – Нет, в конечном итоге вся шайка-лейка оказалась тут. Ну федеральные начальнички, мать вашу, ну удружили...»

Пятясь задом, я выбрался из зарослей, и вскоре мы оставили негостеприимные склоны Черного гребня, как нарек скалы Желтовский, далеко позади.

И только тут я вдруг понял, что Лускус не мог не знать о стэлменах! Даже если он сам каким-то чудом не заметил их, у него в подчинении имелся резиноволицый Миха и целая команда шнырей, которые уж наверняка были в курсе.

Раз так, значит, Циклоп о стэлменах знал. Знал – и не сказал. Почему?

Я отложил эту загадку на потом – нам предстояло проделать немалый путь, а между тем нога разболелась так, что хоть вой. Пришлось сделать инъекцию боевого стимулятора, так что остаток дня, вечер и ночь практически не запечатлелись у меня в памяти...

5 октября 2204 года

Спал всего три часа. Вчера допоздна возился с переписью. Процесс еще далеко не окончен, но общая картина вырисовывается. Лускус оказался прав – нас около полумиллиона. Мужчин больше, чем женщин, но если к женщинам добавить детей и стариков, то мужчин получается меньшинство. Это плохо. Когда придут спасатели, медикаменты, строительные материалы и прочее необходимое для развития колонии (теперь многие говорят не «спасатели», а «помощь», потому что смотрят в будущее не так пессимистично), словом, когда все устаканится, нам придется трудно. На первых порах одному мужчине придется кормить несколько едоков. А как быть с семьями, потерявшими кормильца? Куда девать сирот, немощных, престарелых? Вывозить на Землю вместе с ранеными? Словом, вопросов масса.

Утром, едва Эос вынырнула из серой дымки, очередная команда загонщиков отправилась на Перевал – за прыгунами. Собралось около трех тысяч человек, по большей части добровольцы. За ними увязалось втрое больше народу – посмотреть, как это будет. Лапин, руководящий охотой, зевая обматерил и отправил обратно к модулю – стадо прыгунов могло потоптать любопытных, особенно детей.

Погода стоит по-прежнему сухая и теплая, правда, с севера начало подтягивать облачка, и Зоряная звезда иногда прячет за ними свой пресветлый лик. Перевал находится в нескольких километрах от штабной палатки, но видимость отличная, и я наблюдаю, как загонщики вереницей поднимаются по пологому склону, исчезая за гребнем.

Рахматулло прислал человека, передал – новые загоны готовы. Будем ждать...

День прошел в рутинных мелочах. Вместе с Изольдой Ивановной укомплектовали тринадцать женских добров, посадили шить куртки и штаны из теплоизолянта. Вместо ниток они используют расплетенные световоды из оптоволоконных кабелей. Получается страшновато, но вполне сносно в буквальном смысле слова.

Заработал первый детский сад, разместившийся в огромной хижине на берегу реки. Акка была на открытии, попросила набраться мужества и подождать еще немного – помощь близка. Я попытался переговорить с ней, но она только улыбнулась в ответ совершенно вымученной улыбкой и отправилась к шотландцам. Старик Мак-Даун вместе со своими фрименами собирается, не дожидаясь спасателей, уходить на юг, в горы. Он уверен, что там, за заснеженными вершинами хребта, есть пригодные для жизни долины. Акка попыталась объяснить упрямым шотландцам, что без соответствующего снаряжения и оборудования, без связи, медикаментов и приличного запаса питания они приведут свою общину к гибели. Бородачи-фримены ее доводы выслушали, со всем согласились, а потом собрали немудреный скарб и под плач волюнок двинулись к горам.

Если Великий век оказался эпохой прорыва, изменившей мироустройство и перемешавшей народы олд-мамми, то в следующем за ним двадцатом веке восторжествовали консервативные и традиционалистские идеи. И пока развитые страны постепенно образовывали два полюса силы, два центра, вокруг которых потом и возникли Федерация Свободных Государств, или Восточная Федерация, и Великая Коалиция Свободных Штатов, или Западная Коалиция, очень многие народы выбрали путь самоизоляции. В Африканской зоне, в Азии, в Южной Америке люди жили так, как их предки и двести, и триста лет назад. Находясь в тени, отбрасываемой такими монстрами, как наша Федерация или грейтовская Коалиция, эти страны пребывали в относительном благоденствии – до тех пор, пока не началась прямая конфронтация между Востоком и Западом.

И когда грейты на Земле капитулировали, их союзники и сателлиты оказались в незавидном положении, и многим пришлось расплачиваться за предоставленные под военные базы территории, как монголам, или за участие в военных действиях, как афганцам, или за помощь

ресурсами, как саудитам-бедуинам. Фримены, основавшие «Свободную Шотландию», тоже попали под репрессии – их обвинили в пособничестве Великой Коалиции и сепаратизме. И вот теперь они вновь собираются отделиться. Такая тяга к свободе (да и к свободе ли?) – это уже патология. Но все же будем надеяться, что у Мак-Дауна все получится...

Выкроив момент, я разыскал Лускуса и поинтересовался у него – а что стэлмены? Он не стал отпираться, но огорошил меня:

– Да брось ты, Клим! Какая от них беда? Чудики чудиками. Сидят под своей пленкой, в носу ковыряются. Забудь.

– Но это же стэлмены! Они же... – я едва не задохнулся от возмущения. – Они же помогали... А мятеж на Аппо? А пиратская эскадра Никки Картера? А резня на станции «Новая-9»?

Лускус покачал головой и хлопнул меня по плечу:

– Иных уж нет, а те далече. Забудь. Я тебя уверяю – стэлмены, что попали сюда, – не «системники» и никакой угрозы не представляют. Работать они, правда, не будут, ну да и хрен с ними. Все, я пошел, дел по горло...

Ближе к вечеру (черт возьми, как же не хватает часов!) на Перевале появились первые загонщики. Они весело орали что-то, но из-за расстояния слов было не разобрать. А потом следом за ними хлынул сплошной поток прыгунов, сотни, тысячи зверей, тесно сбившихся в единую бурю массу.

Акка первой оценила опасность и быстро начала выстраивать живую цепь из людей, чтобы прыгуны не разбежались по плоскогорью. Но дело едва не закончилось трагедией, и только зажженные факелы и адский шум, поднятый ребятней, грохотающей листами обшивки, заставили прыгунов свернуть налево, к загонам, где их уже ждали «камикадзе» Рахматулло.

Стояла густая темень, когда последних прыгунов завели за изгородь. Факелы рвали мрак на куски, возбужденные люди весело переговаривались и покрикивали на прижимающих уши животных.

Чернышов, участвовавший в охоте, воткнул в землю факел и, усевшись на срубленный ствол каменной сосны, принялся переобуваться, с удивлением рассматривая стертые чуть не в кровь ноги. Я остановился рядом.

– Что, лейтенант, тяжело?

– Да не, сержант, нормально, – вопреки обыкновению, Никита пребывал в хорошем расположении духа. – Только рожденный летать никак вот ходить не научится. Да, я забыл сказать: мы там, за Перевалом, на равнине, видели червяков этих... хрустальных. Штук десять, может, больше. Стоят вертикально, расширились, переливаются, дрожат, хрюкают. На живые бочонки с мягкими стенками похожи. Размеры – метра два в высоту, метр в диаметре. Ты Желтовскому передай, он интересовался. Пусть завтра сходит – поглядит.

В стороне Рахматулло, де-факто оказавшийся главным прыгуноводом, собрал возле себя кучу подростков:

– Ну что, бачата. Завтра утром пойдете вокруг леса. Там много травы растет. Будете рвать разную, большими пучками. Траву не смешивать. Прыгунов кормить станем. А сейчас – спать!

– Не проще выгнать несколько прыгунов на поляну и посмотреть, что они будут есть? – спросил я.

– Э-э-э! – хитро улыбнулся Рахматулло, блеснув в темноте зубами. – Зачем ходить, зачем водить? Пусть дети носят траву, мы будем кормить. Все делом заняты!

– Ну-ну... – Я пожелал хитроумному афганцу спокойной ночи и, еле передвигая ноги от усталости, отправился в штаб.

Неожиданно поднялся ветер, дувший с севера. Не очень сильный, он все же вызывал легкий озноб и приносил с собой странные запахи незнакомых цветов, что росли внизу на бескрайних равнинах под Обрывом. Еще ветер пах морем – водорослями, солью, йодом. «Наверное, будет дождь, – подумал я, шагая в темноте по берегу реки, – Первый наш дождь на Медее...»

По дороге мне встретилось человек десять экипажников, как и я, жаждущих отдохнуть после тяжелого дня. Они устало переговаривались, кто-то засмеялся. Потом женщина, судя по голосу, Софья, пышная блондинка, служившая младшим оператором ЦЭУ, пожаловалась:

– Я совершенно не умею работать с детьми. Они все время убегают куда-то! А сегодня, представляете, поймали в речке рыбу, сварили и съели! Я им говорю: вы же отравитесь! А они смеются...

– Нет в реке рыбы, – убежденно произнес мужской голос. – Мы с Петром Янычем всю ее исходили, вдоль и поперек. Если бы хоть башклейка какая, хоть синьтяпка занюханная тут водилась – Яныч ее поймал бы. Нет в реке рыбы...

– Вас, Соня, наверное, разыграли, – мягко сказала какая-то женщина, и я узнал голос Акки. – Вы уж потерпите. Скоро, уже совсем скоро придут наши, и вы сможете отдохнуть...

Я хотел подойти к Акке, поговорить, да просто – увидеть ее глаза, но меня опередил старый грек Киприади, который завел с ней длинный и нудный разговор о порядке получения компенсаций и прочей жлобской ерунде.

– Эх, сейчас бы включить морф – и проспать минуток триста! – с хрустом потягиваясь, сказал кто-то из экипажников. Ему тут же ответили, что и без стимуляторов готовы спать сутки напролет, дай только возможность...

Но поспать нам так и не пришлось. Едва только я вместе с остальными добрался до нашей палаточной «комендатуры», как из темноты со стороны Перевала слышались отчаянные крики, полные ужаса. Судя по звукам, несколько человек, в основном женщины, бежали по склону вниз, чем-то очень сильно напуганные.

Из-за леса выкатился серебряный диск Аконита, и в его призрачном свете я увидел людей из кришнаитского ашрама, облаченных в развевающиеся розовые сари.

– Чего тут? – зевая, спросил выбравшийся из-под навеса Гришка Панкратов. Привлеченные криками, из палаток и хижин вылезали экипажники «Руси» и члены Сокола. Я пожал плечами.

Кришнаиты подбежали к нам и повалились на землю, рыдая и раздирая на себе одежду. Великан Минхас Багика Синх, рывком воздев на ноги худого мужчину с исцарапанным ногтями лицом, тряхнул его и задал несколько вопросов на хинди.

Кришнаит сквозь слезы залопотал что-то в ответ. Синх перевел:

– Они решили провести ночь за Перевалом – воздать молитвы и хвалы Кришне вдали от людей. Потом они разделились на пары и разошлись... хм... ну, понятно. И на них кто-то напал. Светящиеся демоны... ничего не понимаю. Он говорит, что демоны в виде светящихся одеял окутывали людей и утаскивали прочь. Всего утащили таким образом пятерых, остальные убежали...

– Зажечь факелы! – резко скомандовала Акка. – Чернышов, поднимай всех – идем на поиски.

Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошел вместе с остальными. По дороге к Перевалу высказывались различные предположения по поводу того, с кем или с чем столкнулись сладострастные кришнаиты. Версий родилось множество, но общее мнение было единым: по следам прыгунов идут те самые не обнаруженные ранее хищники.

– Как бы мы сами им на зуб не попали, – мрачно заметил Прохор Лапин, сжимая в волосатой руке устрашающего вида зазубренную железку.

– Не разбредаться, держаться на виду друг у друга! – крикнула Акка, когда мы поднялись на Перевал. – Минхас, спроси, где они видели... демонов?

Кришнаит, на заплетающихся ногах шедший в самой гуще экипажников, понял все без перевода и показал рукой на заросший высоким бурьяном холмик.

Мы поднялись туда, но обнаружили лишь смятую траву. Прыгуны равнины расстилались перед нами, и призрачный свет Аконита заливал их, высеребрив каждую травинку, каждый куст.

В оглушительной тишине попискивали ночные пичуги да изредка шуршал под слабыми порывами ветра бурьян.

– Душно как-то, – нарушила общее молчание Софья. – И тревожно...

– Это что там, туман? – глазастый Кислицын указал на странную серую пелену, наплывающую с юга.

– Быстро больно для тумана-то, – проворчал Прохор Лапин.

Свет Аконита неожиданно померк – серебряный спутник Медеи скрыла плотная завеса облаков. Ветер сразу усилился, и я почувствовал, как на меня упали первые капли дождя.

Люди переговаривались, переминаясь с ноги на ногу. Идти в сгустившуюся темень под дождем, без должного ориентира, большинству казалось бессмысленной тратой времени, но все ждали, что скажет Акка.

– Тихо! – Она подняла вверх факел, сделала несколько шагов вперед, вглядываясь во мрак. – Там что-то движется...

– И хрюкает, – прогудел Никита Чернышов.

Все подняли оружие, хотя даже мне, человеку далекому от охоты и дикой природы вообще, было ясно, что заточенные кое-как куски металла вряд ли остановят сколько-нибудь серьезного хищника.

– А туман-то приближается! – прозвучал в темноте чей-то голос. И почти сразу отбежавший вперед метров на пятнадцать Гришка Панкратов заорал истошным голосом:

– Это черви! Черви хрустальные! Много!

И, словно крик этот послужил сигналом – ударил дождь. На нас обрушился сплошной поток воды, косые струи заштриховали ночь, превратив ее в пульсирующую мглу. Мы сгруппировались на вершине холма, испуганно озираясь. Факелы шипели и тухли.

– Уходим! – скомандовала Акка. – Всем держаться вместе. И быстро, быстро!

Мы уже почти вернулись на Перевал, под ногами закрипел щебень, и тут из-за дождевой завесы совсем рядом возникли черви – один, второй, пятый, десятый...

Они двигались вертикально, развернувшись в широкие раструбы, волнистые края которых беспрестанно шевелились. По прозрачным телам червей пробегали волны сиреневого света – так светятся в электрическом поле инертные газы. Помню, я еще подумал, что это невозможно, электричества-то на планете нет...

Черви приостановились, растягивая свои пульсирующие воронки. Несколько факелов еще чадили, и в их дергающемся, неверном свете я увидел, как такая воронка вдруг буквально прыгнула вперед и наделась на молодого парня из Корпуса спасения, командира одного из добров.

Миг – и отчаянно отбивающийся человек оказался внутри прозрачного мешка! Червь тут же сжался, превратившись в дергающийся кокон, и весь озарился фиолетовыми вспышками.

С десятка человек, среди которых я разглядел Лускуса и Прохора Лапина, с криками бросились к живому мешку и принялись раздирать его, пытаясь освободить пленника. Но не тут-то было! Странная слизистая плоть червя легко пропускала самодельные тесаки и пики, но на ней не оставалось ни разрывов, ни дыр. С таким же успехом можно было резать ножом кисель.

Страшно закричав, Лапин отшвырнул свой импровизированный топор и голыми руками вцепился в плотно сжавшуюся горловину червя, пытаясь растянуть ее. Остальные поспешили ему на помощь, и через несколько секунд им удалось просунуть руки внутрь кокона.

Многоголосый крик ударил мне по ушам. Люди разбежались в разные стороны, вопя от боли и пытаясь с пальцев налипшую слизь. Червь издал утробный звук и вновь

сомкнул края горловины, опять превратившись в живой мешок. Человек внутри уже перестал двигаться, и его тело в серебристом комбинезоне стало сминаться, таять, как будто оно было восковым.

Потрясенные, мы с ужасом наблюдали за этой картиной. Остальные черви, замершие в десятке метров от нас, тихонько похрюкивали, вспыхивая сиреневым. Они явно ждали результатов трапезы своего сородича...

– Бежим! – заорала Акка. – Минхас! Панкратов! Помогите Климу! Лускус! Чернышов! Поднимайте добры! Огня, больше огня!

Кокон, внутри которого еще минуту назад был живой человек, помутнел и вспыхнул красным. Это, видимо, и послужило сигналом. Черви ринулись на нас всем скопом, широко разевавая воронки беззубых ртов.

И мы побежали. Великан-индус и Гришка Панкратов подхватили меня под руки и, не оглядываясь, помчали сквозь дождь и ночь. Вокруг слышался топот и тяжелое дыхание. Никто не кричал, никто не пытался остановиться и дать отпор – настолько кошмарным оказалось то, с чем мы столкнулись.

Есть такое понятие – тихая паника. Это когда люди уже очень сильно испугались, но в глубине души еще верят, что смогут все исправить, остановить беду. Вот именно такая тихая паника овладела всеми нами, пока мы неслись во мраке с Перевала.

Нас спасли быстрые ноги. Хрустальный червь не умеет передвигаться с такой скоростью, как человек. Идущего шагом он еще может догнать, но бегущего, да еще и напуганного хомо сапиенса этот живой полупрозрачный мешок настичь не в силах.

Выиграв изрядную фору, мы добрались до палаточного городка возле штаба и принялись спешно организовывать оборону. Поднятые по тревоге добровцы и присоединившиеся к ним колонисты собирались на берегу реки. Они ворчали, ежась под секущими струями, позевывая и переговариваясь. Никто из них не мог понять, что случилось, а дождь и темень мешали им разглядеть спускающихся с Перевала червей.

Но вот Аконит нашел среди туч небольшую дыру с рваными краями и осветил склон. Люди испуганно замолчали. Не менее сотни слабо светящихся сиреневым светом тварей спускались с Перевала, и вскоре стало слышно их угрожающее похрюкивание.

Появился Лускус в сопровождении Михи и еще десятка желторобников. Они несли охапки факелов, раздавая их добровцам. Я увидел в толпе Рахматулло, Желтовского, Зигфрида Шерхеля и даже старика Константина Киприади с сыновьями.

Акка поднялась на большой камень.

– Всем держаться вместе, плечом к плечу. Эти твари... – последовал энергичный жест рукой, – ...очень опасны. Одного человека мы уже потеряли. Не давайте им приблизиться, окружайте и жгите огнем. Если не получится – старайтесь отогнать назад, за Перевал. Помните: рубить и колоть их бесполезно.

– А если камнями? – крикнул Прохор Лапин. Ему уже перевязали обожженные руки, и бывший беловедец рвался в бой.

– Пробовать будем все. Но пока наше главное оружие – огонь! – ответила Акка.

– Нету такого зверя, чтобы огня не боялся! – громко подтвердил Лапин. – Эх, огнемет бы нам...

– Мы нашли несколько компенсаторных канистр с растворителем. Замки сбили, – из-за спины Акки прогудел Чернышов. – Можно попробовать...

– Тащите! – Акка спрыгнула с камня и взяла у Лускуса факел. – Ну, как говорится, с Богом... Пошли!

Наверное, со стороны мы напоминали каких-то оживших персонажей из древней истории Земли. Тысячная толпа, потрясая факелами, медленно разгонялась, переходя на бег. Все орало, всяк – свое. Кто ругался, кто призывал на помощь богов, кто просто вопил от страха.

Я, зажатый между громадным Минхасом и Цендоржем, который разыскал меня и тут же принялся помогать, словно он был моим родственником, мчался вместе со всеми, кричал вместе со всеми, и мой факел разгонял тьму так же, как и другие...

Черви уже спустились с Перевала и теперь двигались в сторону наших поселений. Страшно было представить, что случилось бы, доберись они до поселков вокруг модуля, где под навесами в хижинах лежали тысячи раненых, где спали сейчас детишки и их матери.

Думаю, эти полупрозрачные твари обладают каким-то разумом. Ибо едва только мы оказались рядом с ними, как черви принялись довольно шустро улепетывать прочь.

– Окружай! – воодушевленно взревел Лускус, размахивая почти потухшим факелом. – С боков, с боков заходи!

На склоне мы взяли червей в кольцо. Поняв, что выхода нет, они громко захрюкали и угрожающе растопырили воронки, густо окрасившись фиолетовым. В первый же жадно распахнутый рот полетело сразу несколько факелов. Червь немедленно закрыл воронку, сжался, завалился на бок – и потух! Его свечение как будто выключили, как выключают иллюминацию на новогодней елке.

– Не лю-ю-юбишь, с-сука!! – радостно захохотал Прохор Лапин и бросил свой факел в горловину ближайшему червю. Вслед за ним остальные обрушили на хрюкающих тварей настоящий огненный вал, и спустя буквально несколько минут все было кончено.

– Камнями, камнями их привалите! А потом облить все растворителем – и сжечь, – распорядилась Акка. – Лускус, Чернышов! Поставить усиленные двойные дозоры на Перевале, по периметру жилых секторов и вокруг леса. Смена – каждый час. Дежурить всем! Смотреть в оба. Если эти... черви проберутся туда, где живут колонисты...

Она не закончила, но все и так понимали, что будет.

Аконит опять затянуло тучами. Дождь чуть поутих, на северо-востоке небо посерело – близился рассвет.

Накормленные факелами черви дергались на земле, извивались, некоторые даже пытались подняться и раскрыть свои смертоносные воронки. Завалив омерзительных существ валунами и набросав сверху сучьев и веток, мы щедро полили все вокруг остро пахнущим растворителем из принесенных канистр и под дружное «Аминь!» с нескольких сторон запалили получившийся червемогильник.

Сине-красное пламя с ревом взметнулось в темное небо, пожирая останки червей, но некоторое время сквозь треск огня я явственно слышал злое хрюканье...

6 октября 2204 года

Дождь льет не переставая. Земля раскисла, повсюду виднеются лужи. Заметно похолодало. В хижинах, а то и просто под навесами люди жгут костры, и множество дымов поднимается над равниной.

После ночного вторжения хрустальных червей Сокол приостановил разделку модуля, и все добры брошены на возведение баррикад и защитных стен на Перевале. Тысячи насквозь промокших людей денно и нощно таскают камни, бревна, мешки, корзины и носилки с щебенкой.

Толя Кислицын разыскал меня среди строителей баррикады, замахал рукой:

– Клим! Пойдем. Там... Проблема там. Чернышов приказал тебе заняться...

Проблема оказалась трупом. Голым трупом человека, убитого совсем недавно. Его нашли случайно. Дети, за которыми так и не уследила блондинистая Соня, копались в грудах обломков по ту сторону модуля и нашли присыпанное мусором и землей тело.

Это оказался взрослый мужчина лет сорока пяти, здоровый и загорелый, точно он провел месяц на курорте. На бородатом лице его застыло выражение безграничного удивления, в широко раскрытых глазах стояла дождевая вода.

Я отложил костыль, прикрикнул на толпившихся поодаль ребятишек и их любопытных мамаш, побросавших стряпню – в стороне располагались общественные столовые, – и присел на корточки, разглядывая труп.

Волосатый живот убитого пересекал наискось кровавивший, широкий, «щедрый», как говаривал командир нашей десантно-штурмовой машины Валентин Сайко, порез, заканчивающийся в районе печени большой рваной раной.

Мокрый Кислицын, вытирая грязной пятерней дождевые капли с лица, вздохнул:

– Кто ж его так? И за что?

Сомнений относительно того – кто, у меня в общем-то не было. До лагеря желторобников-«неприсоединенцев» отсюда шаг шагнуть, а то, что труп раздели, лишний раз доказывало, что этого бедолагу убили уголовники. Что касалось второго Толиного вопроса, тут версий могло быть множество, от вполне банальных – за еду, за проигрыш в карты, просто в драке – до сложных и запутанных. Не исключено, что покойный мог иметь кровников, оказавшихся на Медее вместе с ним, или был в лагере осведомителем администрации, и с ним свели счета, как только этой самой администрации не стало. Гадать можно было бесконечно – и с неизменным нулевым результатом.

Я выпрямился и повертел головой – дождь, мокрые камни, мокрые кусты, мокрый Кислицын. Мокрое тело и мокрое дело, в котором нет нужды разбираться...

Хруст камешков под подошвами застал меня врасплох. Обернувшись, я с удивлением (ведь, кроме Толи, вокруг никого не было!) обнаружил рядом Миху.

– Хайстуй, начальник! – он зыркнул глазами на труп, перекрестился и сморщил лицо. – Типяга стэлменский жмур. «Комету» лукаешь? Ихняя райтовка. «Системники» его мочили, начальник.

Сказав это, Миха сплюнул едва ли не на голову покойника и ушел легкой походкой всезнающего человека. Я посмотрел ему вслед и вспомнил слова Лускуса о том, что «системных» стэлменов на Медее нет и что вообще можно не беспокоиться по этому поводу.

«Что-то хитришь ты, брат Циклоп», – подумал я и решил все же вытрясти из одноглазого командира добров все, что он знает о стэлменах.

Отправив Кислицына за похоронной командой, я поставил возле тела караул из пацанов постарше, настрого велел отгонять малышня и вообще всех любопытных, а сам отправился к Перевалу...

Возведение баррикад шло полным ходом. Семисотметровое пространство между скалами, естественные врата, соединяющие обширную Прыгунью долину и наше каменистое плоскогорье, было заполнено людьми. Начав с двух сторон, строители громоздили валуны, выкладывали стены из плохо обработанных бревен и засыпали пространство между ними щебнем. Постепенно проход сужался, но все еще оставался достаточно широким.

Если смотреть с Перевала, равнина выглядела пустынной – ни прыгунов, ни каких иных зверей. Лишь кружили в сером небе уже хорошо знакомые нам длинношеие черные чайки, да отдельные черви появлялись вдали, но не приближались к нашей линии обороны.

Дождь все не прекращался. Люди устали, но сильнее усталости их изматывал страх. Лускус во время перерыва на обед подсел ко мне и, вылавливая деревянной ложкой из самодельной жестяной миски волокна прыгуньего мяса, сказал:

– Не ладно все. Народ стонет. Зачем, гряд, мы сюда прилетели? Тут, гряд, чудовища живут, а людям места нет. И еще: бросили нас, гряд. Никто помогать не прилетит.

– Эти разговоры надо как-то кончать! – Я огляделся. Вокруг на камнях и бревнах сидели строители баррикады, кухарки разливали похлебку, костры под навесами чадили, всюду грязь, щепка, мусор. Сказать откровенно, наша «великая стройка» выглядела настолько безрадостно, что хотелось материться.

– Э, браток, – Лускус доел и перевернул миску. – Разговоры кончать – это полицию нужно заводить тайную, сыск устраивать, агентов внедрять, тюрьму строить. Или ты предлагаешь сразу в расход?

– Да ничего я не предлагаю! Но если черви пойдут на приступ, мы должны их встретить все вместе. Едини мы должны быть, понимаешь? Друг о друге думать, а не о том, что тут места людям нет. Это же теперь наша планета!

Дернув изуродованной щекой, Лускус встал, сунул ложку в нагрудный карман.

– Как знать, браток, как знать... Не спешит что-то помощь. Ладно, хватит, языком стену не построишь...

И он зашагал вдоль баррикады, размахивая рукой с зажатой в ней тарелкой и зычно крича:

– Кончай обед! За работу, братва, за работу!

7 октября 2204 года

Баррикада почти построена. Боевые группы, вооруженные каменными топорами, заточенными ножками от стульев, арматурой и дубинками, дежурили теперь на Перевале, готовые отбить новую атаку червей. Впрочем, удивительные свойства этих полупрозрачных тварей срачивать свою кисельную плоть вокруг любого рубящего орудия не оставляли нашим боевикам шансов на победу. Вся надежда была на стены и завалы, через которые, как мы надеялись, перебраться хрустальные черви не сумеют.

Единственным действенным способом борьбы с ними, как показали события той памятной ночи, оставался огонь, но ни огнеметов, ни даже горючих жидкостей в нужном количестве у колонии не имелось. Чтобы разжечь под проливным дождем факелы и костры, нужны были время и сноровка, и Прохор Лапин взялся за организацию, как он выразился, «огневого вала». Под устроенные у Перевала навесы добровольцы стаскивали ветки и сучья, а сам бывший охотник поддерживал несколько укрытых от дождя костерков. Под рукой у сибиряка всегда имелись две оставшиеся канистры с растворителем – к ним приставили специальных дежурных, готовых быстро доставить огнеопасную жидкость в любую точку баррикады.

Возможно, будь у нас топоры, мечи, сабли или иное профессиональное рубящее и режущее оружие, червям бы не поздоровилось, но, увы, перед лицом опасности мы оказались практически безоружными.

И тогда на Соколе Зигфрид Шерхель заявил, что колонии необходимо вооружаться.

– Медь, господа! Мы с Петром Яновичем еще на прошлой неделе обнаружили в предгорьях на юге самородную медь, и запасы ее колоссальны, а качество изумительно. Нужно устроить несколько плавильен, и тогда, я вам гарантирую, мы сумеем в достаточно короткие сроки вооружить наши боевые группы вполне приличным оружием.

– Медь – слишком мягкий металл, – возразили ему.

– Олово, цинк и прочие необходимые компоненты для создания твердых сплавов на основе меди я позаимствую из приборов и кабелей, снятых с модуля, – тут же ответил Шерхель и, не давая никому опомниться, зачистил, мешая русские слова с немецкими и прихлопывая ладонью о ладонь: – Мне нужны арбайтеры, три-четыре сотни крепких мужчин с ясной головой, я? Мне нужна отдельная бригада лесорубов, мне нужно питание, и, наконец, мне нужно время – три-четыре дня...

Акка встала и обвела собравшихся тяжелым взглядом:

– Возражения будут?

Кто-то в задних рядах пробурчал, что, мол, это реконструкторская блажь, исторические ролевые игры и вообще несерьезно, но и только.

– Значит, быть посему! – подвела итог Акка. – Герр Шерхель, вы назначаетесь руководителем промышленного сектора колонии. Через четыре дня вы должны представить образцы ваших изделий. Люди и ресурсы – все, что нужно, – в вашем распоряжении.

– Данке! – церемонно поклонился улыбающийся Шерхель и быстрым шагом вышел из штабной палатки.

И завертелось! Энергичный немец точно обрел смысл жизни. Глядя на него, казалось, что все прожитые до этого годы он занимался чем-то не тем и вот только здесь, на Медее, наконец-то нашел свое место, получил карт-бланш, дабы реализовать себя на все сто.

Он изменился даже внешне – выпрямился, расправил плечи, его глаза заблестели, голос обрел пугающую властность, а движения и жесты – четкость и основательность.

Рабочих для себя Шерхель отобрал быстро, используя весьма оригинальный способ: просто подошел к отдыхающим добровольцам и прокричал несколько фраз на немецком. Вскоре

его уже окружала толпа в несколько сотен человек. Когда я поинтересовался, что же он им такого сказал, Зигфрид ухмыльнулся в ответ:

– Я крикнул: «Кто говорит по-немецки – подойдите ко мне, вас ждет интересная работа!» Видите ли, герр Елисеев, металлы – это всего лишь мое хобби, и я не владею современной международной терминологией. Естественно, общаться с арбайтерами мне придется не на и-линге, а на языке Гете и Гейне. Так что все просто.

Место, где будут построены литейни, Шерхель определил, руководствуясь чистым прагматизмом – чтобы топливо, то бишь лес, сырье, то бишь горы, и вода, то бишь река, находились неподалеку. Таким образом, он обосновался в нескольких километрах от прыгунных загонов, по ту сторону реки.

Мне было очень любопытно, как Зигфрид собирается плавить медь в условиях полнейшего отсутствия механизации. Сам я с трудом представлял себе весь процесс, но даже из школьного курса истории помнил, что наши далекие предки строили печи, в которых, собственно, и доводили медную руду до жидкого состояния посредством высоких температур.

Сообразительный немец поступил проще. В процессе разделки модуля добровцы отделили около сотни дюз тормозных двигателей. Напоминавшие ступы двухметрового диаметра и трехметровой высоты, эти дюзы за ненадобностью мокли под казавшимся нам уже вечным дождем. Некоторые, правда, пытались использовать их в качестве жилища, ставя на попа, но согласитесь, даже спать в таком тесном колпаке не очень удобно, не говоря уж обо всем прочем.

Шерхель, похоже, все рассчитал заранее. Несколько десятков его арбайтеров с молодецкими криками и прибаутками споро перекатали двенадцать дюз к месту будущей литейни, где уже были готовы вырытые в земле узкие ямы.

Одновременно шла массовая заготовка дров, изрядно проредившая опушку леса. Наконец, почти две сотни человек, волею «безумного Зига», как, посмеиваясь, называли Шерхеля, превратившись в рудокопов, нарыли и натаскали самородную медь, нагромоздив возле каждой печи по небольшой пирамиде.

Рыжий немец был недоволен всем. Дюзы, превратившиеся в плавильные котлы, стояли, по его мнению, криво, ямы под ними, где должны были гореть дрова, оказались вырыты недостаточно глубоко, руды арбайтеры принесли мало, и вообще если так работать, то у него ничего не получится.

– Как бы не перенервничал наш Зиги, – усмехался Лускус, глядя на стремительно возводимые литейни. – Он не ниппонец, конечно, но если все это кончится пшиком, боюсь, руки на себя наложит.

– Глина, мне нужна глина! – кричал тем временем Шерхель, бегая по берегу реки. И глина, конечно же, нашлась. Правда, не такая, как надо, и не в том количестве, но ее вполне хватило, чтобы замазать отверстия, через которые в дюзы подавалось топливо.

Вечером третьего с начала работ дня Зигфрид пригласил весь Сокол на первую, пробную плавку, благо дождь стих, из проливного превратившись в морозящий.

Под котлом-дюзой, уже загруженной кусками породы, горели дрова. Огонь был жаркий, и капли дождя, не успевая долететь до котла, испарялись, отчего вокруг стояла сизая дымка.

Голые по пояс арбайтеры, блестя мокрыми плечами, то и дело подбрасывали поленья, а сам Шерхель стоял наверху, у закрытого куском обшивки широкого конца дюзы, и время от времени покрикивал:

– Больше жара! Больше!

Жар и так был невыносимый, все вокруг колыхалось и плыло, а Шерхель казался сквозь эту завесу дрожащего воздуха неким миражом, существом из виртуального мира, богом огня с увенчанной рыжими кудрями головой.

– Зигфрид! – крикнула ему Франческа Кьянци, миловидная брюнеточка – рядовой из отдела автоматизации. – Вы же сгорите! Спускайтесь к нам!

– Найд, фрейлейн Франческа! – прокричал Шерхель, заглядывая в котел. – Сейчас все случится. Давайте желоб!

Последние слова он адресовал своим подчиненным, которые уже волокли выгнутый из листа все той же обшивки длинный желоб. Один конец они поместили в самом пламени, под дном дюзы, другой повис над заранее сделанной из глины плоской односторонней формой. Под желоб подвели стойки.

– Вы бы отошли, господа, – низким басом обратился к нам один из арбайтеров, явно земляк Прохора Лапина. – Ну как сорвется чего или пойдет не туда...

Мы послушались и встали в стороне.

– Айн! – начал наверху отсчет Шерхель. – Цвай! Драй!

– Давай! – рявкнул полуголый сибиряк, и двое литейщиков длинными кусками арматуры быстро раздолбили снизу глиняную пробку.

Я ожидал, что по желобу хлынет искрящийся огненный поток, но вместо этого по нему медленно, словно нехотя, в форму потекла струйка расплавленного металла.

– Э-э-э... И это вот медь? – спросил кто-то.

– Бронза, господа! Бронза! Здесь десять процентов олова. – Торжествующий Шерхель – подбородок вперед, рот до ушей – встал возле формы, внимательно следя за процессом. – Сейчас, господа, сейчас...

Струйка иссякла. Форма наполнилась более чем наполовину.

– Вассер! Скорее! – закричал немец, размахивая рукой. Двое рабочих принялись поливать форму водой. Пар ударил во все стороны, скрывая от наших глаз происходящее. – Если сплав не охладить быстро, – донесся из мутного облака возбужденный голос Зигфрида, – то возможна ликвация, то есть расслоение сплава обратно на медь и олово. Нужен фосфор и цинк, чтобы этого не произошло, но у меня пока их... Да лейте же, камраден! Лейте!

Шипение вскоре стихло, пар рассеялся. Мы увидели Шерхеля, гордо вздымающего серый предмет, весьма отдаленно напоминающий топор. Кто-то фыркнул, Лускус пробормотал что-то язвительное.

– Вот, господа! После обработки это будет самый настоящий келт! – торжественно произнес Зигфрид.

– Господин Зигфрид, а не могли бы вы... – смущаясь, тоненьким голоском спросила Франческа Кьянци, – не могли бы вы сделать нам ложечки? И вилочки. А то кушать... неудобно.

Все рассмеялись. Шерхель тоже улыбнулся, но ответил со всей почтительностью:

– Увы, милая фрейлейн. Пища содержит кислоты, которые при взаимодействии с медью могут создавать ядовитые вещества, поэтому для столовых приборов этот металл непригоден.

– Вы молодец, герр Шерхель, – очень серьезно сказала Акка. Она взяла из рук немца отливку, осмотрела и кивнула. – Хорошо. Нам нужны топоры. И пилы. И лопаты. Чем больше – тем лучше. Сколько сможет выдавать ваш... э-э-э... завод при полной загрузке?

– Фрау Анна, в данный момент я не могу в точности ответить на ваш вопрос, – солидно ответил Шерхель, – но, думаю, к утру у вас будет вся информация.

И при взгляде на него мне впервые подумалось, что, похоже, наше пусть и трагическое, но все же приключение оборачивается чем-то гораздо большим...

8 октября 2204 года

Дождь, дав нам передышку, обрушился на колонию с новой силой. Желтовский высказал предположение, что произошла смена циклонов и что, возможно, их движение имеет сезонный характер.

В импровизированной литейной, наскоро защищенной от дождя полотнищами теплоизолянта, Зигфрид Шерхель производил плавку за плавкой, пытаясь подобрать оптимальную формулу для медных сплавов. Куски самородной меди загружали, как я уже писал, в установленные вертикально дюзы тормозных двигателей, предварительно замазав глиной отверстия, через которые прежде подавалось топливо, и разводили под ними огромные костры. Но жара от дров не хватало, сырость мешала кострам разгораться. Нужен был поддув, меха или иное приспособление, чтобы увеличить приток воздуха и повысить температуру под плавильными. Кроме того, нужен был уголь или много сухой смолистой древесины.

– Если бы это помогло, я бы сам прыгнул в костер! – в отчаянии повторял Шерхель, потрясая обожженными руками. – Древним египтянам было проще – у них дожди случались три раза в год. А тут – кругом вода, сырость...

Мы – Желтовский, Шерхель, Чернышов и я – сидели под навесом вокруг плоского камня, служившего столом, и пытались найти выход из тупика. Оружие и орудия требовались колонии позарез, от этого зависело наше выживание. Смешно – люди из двадцать третьего века, умеющие летать меж звезд, не могут придумать, как расплавить медь в полевых условиях!

Говорят, что цивилизации развиваются циклично, как качели, – прогресс-регресс, прогресс-регресс. В ходе регресса человечество опять возвращается к примитивным технологиям, начиная сначала, с каменных топоров и медных наконечников для копий. Так вот, каменные топоры мы освоили – и только. Если медь нам не покорится, никакого прогресса не будет – хрустальные черви попросту сожрут нас. Мы вырем. Как Стеллеровы коровы, как странствующие голуби. Как мамонты. Разница будет лишь в одном – и несчастных коров, и глупых голубей, и мохнатых слонов истребили вооруженные люди разумные, а нас съедят безмозглые твари, у которых нет даже лап и хвостов и которые представляют собой один большой желудок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.